

XX 196/13

№ 32 (228)

Пятый год издания.

Цена в Москве, провинц. и на ст. ж. д. 10 коп.

О Г О Н В К

1
Библиотека
имени
В.И. Ленина
СССР

ВОЗВРАЩЕНИЕ КЕМАЛЯ

В 1919 году вождь турецкого национального революционного движения генерал Мустафа Кемаль-паша бежал из тогдашней столицы Константинополя, преследуемый султаном и союзниками. На днях Гази („Непобедимый“) Мустафа Кемаль в торжественной обстановке вошел в султанский дворец, уже как президент Турецкой республики.

КАРМАННАЯ ДОРОЖНАЯ АПТЕЧКА

ГОСМЕДТОРГПРОМ

ХИМФАРМЗАВОД им. Н.А. СЕМАШКО
МОСКВА

ДОМАШНИЕ И КАРМАННЫЕ АПТЕЧКИ

и другие наборы выс. непосредственно с ЗАВОДА. Серия „А“ Цена 1 р. 50 к. Кармани. и дорожн. аптечка в изыск. футл.—21 пр.
„Б“ „ 2 р. — к. Домашняя аптечка—21 пр.
„В“ „ 3 р. — Домашняя аптечка в спец. ящ. для хран. лек.—24 пр.
„Ж“ „ 5 р. — Домашняя аптечка в спец. ящ. для хран. лек.—31 пр.
„Д“ „ — 50 к. Спорт-кармани. аптечка—8 пр. (выс. не менее 3 шт.)
„С“ „ 3 р. 50 к. Парфюм.-косм. пос.—11 пр.
„8“ „ 4 р. — Парфюм.-косм. пос.—13 пр.

В каждой аптечке имеется наставление и пользование. Напишите нам открытку, укажите в ней ясно Ваш точный адрес, и мы вышлем Вам любую посылку наложенным платежом. Если вы переведете деньги вперед—заказ пишете на отрезном купоне перевода. При переводе полной стоимости вперед (почт. пер.) пересылка бесплатно. При наложенн. платеже перес. за счет заказчика.

Прейс-курант высылается БЕСПЛАТНО.

Адрес: МОСКВА, Центр. ГОСМЕДТОРГПРОМ. Отд. посылки. № 7.

МОСКВА, 9
ГОСИЗДАТ
„КНИГА
ПОЧТОЙ“

**ЛЮБЫЕ
КНИГИ**
ИМЕЮЩИЕСЯ НА
КНИЖНОМ РЫНКЕ

ВЫСЛАЕТ
НЕ МЕДЛЕННО
ПО ПОЛУЧЕНИИ
ЗАКАЗА
Гружевысьне всей
стоимости впе-
ред—пересылка
бесплатно.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛОВОЙ ВОПРОС

проф. А. Форель, т. I и II. 343 стр.
23 рю. С прил. действ. брачного
права. Ц. 4 р. Высыл. налож.
плат. Анционерным Об-вом
Книжной Торговли, ЛЕНИН-
ГРАД, внутри Гост. Двора. № 123.

ПРОИЗВОДСТВО
НАРОДНЫХ
МУЗЫКАЛЬНЫХ
ИНСТРУМЕНТОВ
ВИНОГРАДОВА
Москва, Центр. В.
Сухоарев. пл. д. 9/4
ВЕНСКИЕ гармон.
2 и 3 р.

БАЯНЫ и ПОЛУБАЯНЫ. ЦЕНЫ
ПРЕЙС-КУРАНТ выс. за две 8 к.
марк. влож., в конв. Виноградов.

Москва, Кривоколенный 14, кв. 3. А. Зыков.

„БАСМА-ХЕНЗ“—жидкий, момент.
окраш. волосы бровей, ресниц,
усов в любой цвет, не смыв. мыл.
4—6 н., не пачк. лица, не отлщ.
от прир. Коробка на год 2 р., пол-
года—1 р. 20 и. Спец. краска для
волос головы—3 р. Высылается
налож. пл. Проба рук. бесплатно.

НОВЕЙШИЙ ПЕСЕННИК

Полный сборник ПЕСЕН былого
и новейш. времени: старин. и
позднейш. нар. русск., волж-
ских и украинск. Песни рево-
люционеров, тюрьмы, работни-
цы и крестьянки, безбожн., ком-
сомол. и красноарм., ок. 200 стр.
Ц. 1 р. Выс. нал. плат. За-
казы направл. МОСКВА, ул. Гер-
цена, № 31/116.
Коопер. Т-ву „СПЕЦ-КНИГА“

САТИРА И ЮМОР

В. СЕРЕЖНИКОВА
ПОЛНЕЙШИЙ СБОРНИК СА-
ТИРИЧЕСКИХ И ЮМОРИСТИ-
ЧЕСКИХ произведений

прошл. и новейш. времени для
ЧТЕНИЯ, ДЕКЛАМАЦИИ
и РАССКАЗА
330 стр., в перекл. п. 2 р.
Выс. нал. плат. Заказы напр.:
МОСКВА, ул. Герцена, № 31/117.
Кооперат. Т-ву „СПЕЦ-КНИГА“

ЗАГОТОВКИ И ЗАПАСЫ

Практич. руков., рецепты и по-
лезные советы к домашн. за-
готовк. и запасам на зиму из
овощей, ягод, фруктов, молока
и пр.
Сушка, консервиров., маринады,
соления, варенье, сиропы, мор-
сы, наливки, настойки, напитки
и ликеры. Ц. 75 к. Выс. налож.
платеж. Заказы направлять:
МОСКВА, ул. Герцена, д. № 31/118.
Кооперат. Т-ву „СПЕЦ-КНИГА“

ВЫСЛАЮТСЯ ВСЕМ ПО ФАБРИЧНЫМ ЦЕНАМ ИЗДЕЛИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ КОНЦЕССИИ

А. ГАММЕР

ГАЛАЛИТНЫЕ АВТОМАТЫ
КАРАНДАШИ-РУЧКИ с зап-
сом графита и клипсом.

с черным графитом дюж. 15.60, штука 1.40
с химическ. „ „ 16.50, „ 1.45

ГАЛАЛИТН. АВТОМАТЫ
КАРАНДАШИ разн. цве-
тов с запасом графита

с черным графитом дюж. 11.20, штука 1.00
с химическ. „ „ 12.00, „ 1.05
Двухсторонний химический графит,
красный и синий „ 18.40, „ 1.55

ТО ЖЕ больш. размера,
графит обычн. дюж.
28.20, штука . . . 2.50

ГРАФИТ ДЛЯ АВТОМАТОВ по 6 шт.
в капсуле, в коробках по 24
капсулы.

Черный 1 коробка 24 капсулы 3.86, 1 капс. 15 к.
Химическ. и цветн. „ 24 „ 4.80, 1 „ 21 к.
Цветной обыкновенн. толстый пенал 6 штук
(3 красных и 3 синих) — 1 пенал. 55 к.

РУЧКИ ГАЛАЛИТН.
всевозмож. цветов.
дюж. 9.00, шт. „ 80

НАКОНЕЧНИКИ для карандашей 1.50, „ 15 к.
УДЛИНИТЕЛИ 2.70, „ 25 к.
КАРАНДАШИ ХИМИЧЕСКИЕ КОПИРОВАЛЬНЫЕ
разных твердостей и полировки
„Атлас“ грасс. 29.40, д. 2.50
„Эсперанто“, „Стандарт“, „ДЭТЭКА“ и др. „ 24.70, „ 2.15
КАРАНДАШИ ЦВЕТНЫЕ ХИМИЧЕСКИЕ № 751
синий и № 752 красный „ 29.40, „ 2.50

При оптовом заказе на сумму не менее 100 р. скидки 8%.
Заказы розничные от 3 р. и опт. от 100 р. принимаются по
получению задатка 5%, остальные наложенным плат. Испол-
нение быстрое и аккуратное. Упаковка и перес. за счет за-
казчиков по действительной стоимости. С заказами обра-
щаться к Государственному почтово-посылочному
предприятию.

УНИВЕРПОЧТ

Москва-Центр, Москов-
репская наб., д. № 1 Г.

ПОЛНЫЙ ПРЕЙС-КУРАНТ ГАЛАЛИТНЫХ ИЗДЕЛИЙ И КАРАН-
ДАШЕЙ ВЫСЛАЕТСЯ ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ БЕСПЛАТНО.
СВОДНЫЙ КАТАЛОГ № 7, 112 страниц, содержащий описан-
ный список товаров всех Отделов Универпочт, высылаются
по получении 30 коп. (можно марками).

КУРСЫ ЧЕРТЕЖНИКОВ ОТДЕЛЕНИЯ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО И АРХИТЕКТУРНОГО

Отделение РИСОВАНИЯ
ЗАОЧНОЕ ПРЕПОДАВАНИЕ
при Краевых Промышленно-Экономических
и Художественно-Технических Курсах

„ПОЛИГЛОТ“

состоящих в ведении Сев.-Кавк. Крайпрофобра
ПРИЕМ ПРОДОЛЖАЕТСЯ НА ОТДЕЛЕНИЯ:
бухгалтерии, стенографии, наллаграфии и
др. предметов.
По оконч. курса учащиеся подвергаются испытанию
в спец. квалиф. комиссии и получают соответств.
СВИДЕТЕЛЬСТВО.
Требуйте бесплатно проспект и условия.
ПЛАТА ПОМЕСЯЧНО: от 1 до 3 р.
Адрес: Ростов-на-Дону, „ПОЛИГЛОТ“.

ПРЫЩИ, УГРИ
и ВЕСНУШКИ
безобразят лицо
**ЧИСТОТЕЛ-
АДОН**

делает его
ЧИСТЫМ
и КРАСИВЫМ

Требуйте везде!

Цена 1 р. 25 коп.

Оптовые заказы направл.: Москва, почт. 856/0.

ОПТИЗМ

Профессора Г. Роледер.
Предислов. проф. В. Броннер.
ПРИЧИНЫ ЯВЛЕНИЯ БОЛЕЗ-
НИ. ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЕ
МЕРЫ. ЛЕЧЕНИЕ. 190 стр. 6
форм. Цена 2 р.
Выс. нал. плат. Заказы напр.:
МОСКВА, ул. Герцена, № 31/119.
Кооперат. Т-ву „СПЕЦ-КНИГА“

ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ в „ОГОНЬКЕ“

1 страница—1500 р., 1 строка
нонпарези—2 р. 50 к. Сверх
тарифа налог 10%.

МАГАЗИН „ПИОНЕР“ МАГАЗИН

Изд-во ЦК ВЛКСМ „МОЛОДЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Тверская 37.
Тел. 3-04-44.

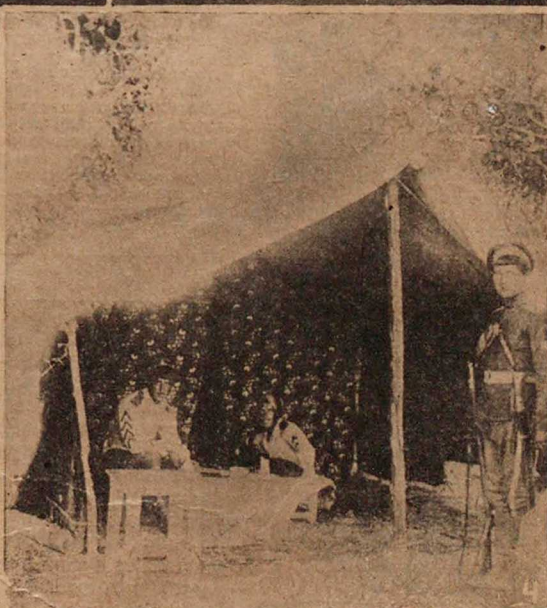
К ЛЕТНЕМУ СЕЗОНУ

**ВСЕ для СПОРТА
для ПИОНЕРОВ**

СПОРТИВНЫЕ и ПИОНЕРСКИЕ ПРИ-
НАДЛЕЖНОСТИ и СНАРЯЖЕНИЕ,
ЛИТЕРАТУРА, ЗНАЧКИ и проч.
Палатки рабоч., санитарн., лесные
и пионерские.
Полный катал. выс. за 8-нол марку.

ОСКОЛКИ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ

На снимках: 1. Анненков со своим «штабом» в частях у китайских властей в 1920 г. 2. Анненков в Китае. 3. Анненков со своими ординарцами; на знамени надпись — «С нами бог!». 4. Анненков в палатке, вход в которую охраняет один из его головорезов.

В Семипатинске в выездной сессии Верховного Суда СССР слушается дело генерала Анненкова, прославившегося своими «подвигами» в Сибири. Анненков со своим отрядом стяжал себе громкую славу непрерывным количеством зверств, расстрелов, насилий, пыток. (См. оц. Д. И. Матрона в № 24 «Огонька»). После разгрома колчаковской армии Анненков стал отступать к китайской границе. В мае 1920 г. войска его перешли границу. По предложению китайских властей он двинулся на китайский Дальний Восток. По пути следования в районе гор. Гучена произошло столкновение между анненковскими и китайскими войсками. Вызванный для переговоров к губернатору Синдзянской провинции, Анненков после дачи объяснений был арестован и препровожден в тюрьму.

Но слава Анненкова, как жесточайшего врага рабочих и крестьян, была велика, он был слишком нужен китайским, французским, английским милитаристам. Англия оказала всемерное содействие

Анненкову в деле его освобождения, и скоро он оказался опять на свободе. Когда весть об освобождении Анненкова дошла до белогвардейских организаций, они наперебой стали пропустить его статью во главе объединенного движения эмиграции на Дальнем Востоке. Великий князь Николай Николаевич предложил Анненкову стать руководителем наступления на Советскую Россию с Востока. На эту тему с ним стали вести переговоры английский консул в Пекине Александр и английский советник в провинции Лан-Чжоу — Дуда.

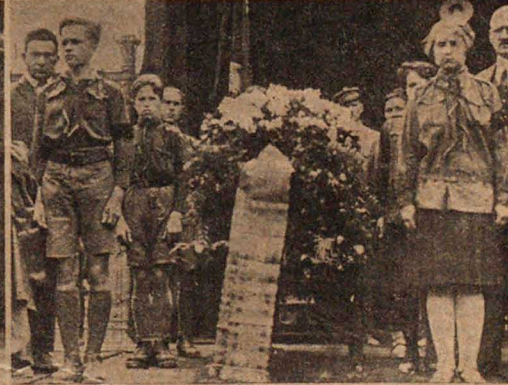
Англичанин Дуда, убеждая Анненкова принять участие в антисоветском движении, говорил ему: — Война с большевиками все равно будет, так как мы, англичане, не можем примириться с существованием советской власти в России. Вам необходимо ехать на Восток, тем более, что Николай Николаевич стоит во главе всех эмигрантских организаций и к его выступлению весьма сочувственно относятся англичане и все иностранцы.

Позднее Чжан Цао-лин предлагал Анненкову взять на себя организацию русских отрядов в Синдзянской провинции также для борьбы с Советской Россией. По заверениям Чжан Цао-лина, японское правительство, которое содержит на свои средства в его армии белогвардейский отряд Нечаева, даст сколько нужно средств для формирования и содержания анненковских партизанских отрядов.

На предложения, сыпавшиеся со всех сторон, Анненков давал уклончивые ответы. Это объясняется тем, что, как он говорит, он пришел к убеждению, что белое движение никакой роли играть не может. Он убедился, что советская власть признана всеми народами Советского Союза и пользуется их полной поддержкой.

Придя к этим выводам, Анненков решил покаяться в своих преступлениях и в 1926 г. прибыл в Москву.

ВОССТАНИЕ В ВЕНЕ

Австрийские социал-демократы стараются использовать восстание рабочих в Вене, подавленное вооруженной силой полиции, для усиления антикоммунистической агитации.

Венские социал-демократы пытаются свалить всю ответственность за кровопролитие на коммунистических агитаторов, „вызвавших волнения и вынудивших полицию прибегнуть к правильным мерам“. Социал-демократы, требуя репрессий против коммунистической партии, действуют единым фронтом с кулацким крестьянским союзом и фашистскими организациями.

На снимках изображены отдельные эпизоды венского восстания, ярко иллюстрирующие взаимоотношения двух столкнувшихся сил: с одной стороны — рабочих, с другой — полицейских, наемников австрийской буржуазии.

Вверху слева — полицейские идут на кровавую работу; справа — первая встреча восставших рабочих с конной полицией; ниже (во втором ряду), справа — толпа рабочих стекается к зданию суда, охраняемому венскими „фараонами“; слева — полицейский на вздыбившейся лошади, убитый камнем, брошенным из толпы; ниже, под этим снимком — группа рабочих обступила убитого полицейского; в том же ряду, справа — полицейские гонятся за коммунистом; в нижнем, четвертом ряду, слева направо: полицейский патруль после первого выстрела; автомобиль полиции, задержанный рабочими; у гроба девочки, жертвы венского восстания.

ПРАЗДНЕСТВА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

О черк Татьяна Дышук.

Интендантский писец, Бернар Саррет, приходит на помощь 45 музыкантам французской гвардии, оставшимся не у дел, когда гвардия, после взятия Бастилии, переименовалась в национальные войска. Эта кучка растерявшихся служителей искусства под умелым руководством Саррета образует маленькую музыкальную республику. 4 мая 1790 года она превращается в оркестр национальной гвардии. Постановлением от 9-го июня 1792 г. — в бесплатную музыкальную школу парижской национальной гвардии. Через 18 месяцев — в Национальный институт музыки, и, наконец, в 1795 г. в Консерваторию.

Ей суждено было занять видное место во французской революции.

Веский, изучающий историю революции во Франции, останавливается на поразительном зрелище проявления внешней жизни.

Что революционная Франция любила музыку, видно хотя бы из того, что число сочиненных во время революции песен достигает баснословных размеров — 2337. Во главе художественной части Национального института музыки стоял Жан Франсуа Госсек. Истый сын XVIII в., вышедший из народа, 60 лет от роду он создает произведения, полные революционного энтузиазма.

Первый национальный праздник — 14 июля 1790 г., в память взятия Бастилии. Он объединил Францию в неукротимом порыве к обновлению, независимости, любви к человечеству.

Такое внушительное собрание граждан — многих пугало. Но... „са ита“ (наладится) — говорили парижане и отправлялись на Марсово поле производить земляные работы, необходимые для праздника. Шли ремесленные цехи с развевающимися знаменами, шли рабочие с мирным оружием — лопатой или заступом. А бродячие оркестры наигрывали веселый мотив, пристегнутый к ходячему са ита.

Ко дню праздника Марсово поле превращается в арену. Насыпн с амфитеатром для народа окружает ее эллипсом. В глубине — задранированная светлыми тканями трибуна для членов законодательного собрания. В центре — королевский трон. Напротив, на берегу Сены, триумфальная арка. А над треном, над трибуной — Алтарь отечества; оркестр национальной гвардии с одной стороны, 300 барабанщиков — с другой.

Часы ожидания омрачаются тучами, предвещающими дождь. Но французы не теряют бодрости. Они поют и пляшут на зло дождю. „Посмотрите на этих французов, они пляшут под проливным дождем“, — говорили иностранцы. Пушечный выстрел, возвещающий начало праздника, заставляет парижан подтянуться. Музыка, полная величия, настраивает на серьезный лад. После мессы торжественные клятвы на верность Федерации. Взаиваются знамена, гремят трубы, трещат барабаны, войска потрясаят оружием, ударяя его друг о друга. Артиллерийский выстрел возвещает об окончании официальной программы.

Целую неделю после этого Париж веселится. Балы, танцевальные вечеринки, устраиваются во всех кварталах.

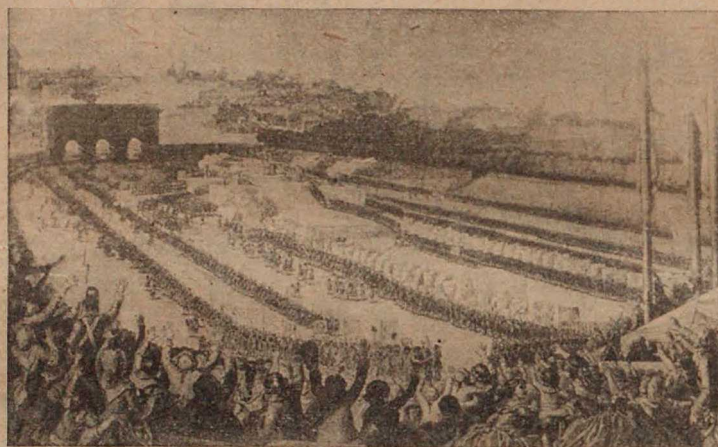
В те времена наука и искусство в общественном мнении стояли очень высоко. Новый храм св. Женевиевы (Пантеон) предназначается для упокоения праха великих людей. „Великим людям благодарное отечество“ — так гласит надпись на храме.

И вот 11 июля 1791 года состоялся „праздник философии“ — перенесение праха Вольтера в Пантеон. Торжество проводится в античном духе. Статую Вольтера, работы Гудона, окружают ученики Академии Ху-

дожеств в античных костюмах. В художественной постановке процессии принимает участие знаменитый художник Луи Давид. Катафалк, запряженный 12 белыми лошадьми, стоял на 4 бронзовых колесах и увенчивался символической фигурой Бесмертия, возлагавшей на чело Вольтера звездный венец. Оркестр нац. гвардии, неизменный участник всех торжеств, впереди процессии играл на инструментах, сделанных по образцу античных „tubae curvae“. Возле дома, где жил Вольтер, девушки в белых платьях, с венками из роз на голове и с пальмовыми ветками в руках, пением оды Шенье приветствовали процессию.

Праздник Федерации впоследствии служит образцом для больших народных собраний, праздник философии — для ознаменования побед французских войс.

Но всякий праздник, по поводу чего бы он ни устраивался, всегда заканчивался танцами и пением. И веселенький мотив „са ита“ являлся неизменным припевом, пока мар Страсбурга Дитрих, 25-го

Праздник Федерации на Марсовом поле.

Со старинной гравюры.

апреля 1792 г., наслушавшийся его до тошноты, не вышел из терпения. Он предложил Руже де Лиллю, безвестному дотеле музыканту, написать новую песню, более достойную быть гимном французского народа. И, разумеется, мощный голос экстаза и тревоги, зазвучавший в эту ночь, не мог не заглушить жиденький звук парижской кадрили. Так создается марсельеза. Название свое она получает от имени батальона граждан Марселя, распевавших ее на пути в Париж, для защиты революционной Франции от нашествия иностранных королей.

А когда после победы при Вальми хотели отслужить в Париже „Te Deum“, министр Серван написал: „Мода на „Te Deum“ прошла, прикажите исполнить с тою же помпой — гимн марсельцев!“ С этого момента музыка для национальных праздников приобретает мужественный и энергичный тон.

Те же марсельцы, отличные певцы, занесли в Париж „карманьолу“, популярнейшую потом песенку. „Dansons la Carmagnole“ (станцует карманьолу) предлагали марсельцы. А парижанин, весело приплясывая под стенами Тампля, куда заключили Людовика XVI, заимствовав рефрен, прибавил к нему революционный конец.

Dansons la carmagnole,
Vive le son, vive le son,
Dansons la carmagnole,
Vive le son du canon.

Да танцуем карманьолу,
Да здравствует звон, да здравствует звон,

Танцуемте карманьолу,
Да здравствует пушки звон.

Устройству празднеств придавалось огромное значение.

Дантон, вспоминая олимпийские игры, предлагает конвенту предоставить Марсово поле для национальных игр. По мысли Дантона, посреди Марсова поля должен был возвышаться храм, где „французы могли бы собираться в большом количестве“. Робеспьер произносит знаменитую речь „об отношении религиозных и моральных идей к республиканским принципам и о национальных празднествах“. „Устраивайте общице и торжественные празднества для всей республики, устраивайте частные праздники для отдельных местностей“.

Эти призывы вождей революции находили горячий отклик и в официальных кругах, и в народе.

Луи Давид предлагает к празднику 10 авг. 1793 г. выстроить на Марсовом поле театр, в котором „были бы представлены в пантомиме главнейшие события революции“.

И в действительности, после церемонии, которая сама являлась настоящим спектаклем, была представлена бомбардировка города Лилля, для чего на берегу Сены была выстроена крепость. Так же, как в инсценировке взятия Бастилии, устроенной в 1790 г., здесь принимали участие, кроме профессионалов-актеров, войска национальной гвардии и праздничная толпа.

На служение национальным празднествам призываются не только театры массового действия. Конвентом к 10-му августа было предложено всем театрам: „представлять 3 раза в неделю республиканские трагедии, вроде Брута, Вильгельма Телля, Гая Гракха, (гражданскую присягу в „Бруте“ публика декламировала совместно с артистами). Театры не были захвачены врасплох. Они всегда являлись верными отражателями эпохи. По репертуару теат-

тров можно проследить весь ход французской революции. Так, после смерти Мирабо были поставлены пьесы: „Тень Мирабо“, „Мирабо на смертном одре“, Мирабо в Елисейских полях“. Созданные королями, раззолоченная „Парижская опера“ устраивала грандиозные народные празднества с небывалыми декорациями: храмами (искусства и свободы), пирами и тронами (в честь Разума), которые тянулись через весь зрительный зал и другие помещения на улицу.

Идея создания постоянного места собрания граждан становится навязчивой. В 1794 г. Комитет Общественного Спасения призывает художников принять участие в конкурсе по переустройству здания оперы в крытые арены. А несколько позднее Робеспьер предложил превратить площадь Революции „в цирк, имеющий вход со всех сторон и пригодный для нац. празднеств“.

Поэты призываются к созданию репертуара и „чествованию главнейших событий Революции“.

А французский народ по собственной инициативе вливается в общую работу: Анахарис Клоотс, „земледелец и депутат от департамента Уазы“, является на праздник Федерации во главе представителей от всех стран и народов. Они приветствуют празднества танцами в национальных костюмах и пением.

Колоссальные сооружения амфитеатров для народа на площадях, массовые постановки на открытом воздухе, впервые устраивавшиеся во Франции, национальные игры, грандиозные хоры, доходившие до 2400 чел. Делегаты были разбиты на секции. Представители Нац. института музыки заранее обучали их, чтобы во время праздника, по мановению палочки дирижера Госсекса, подхваченному сигнальными трубами и пуш-

БОЛОТО СЧАСТЬЯ

Японские дьоро в Токио.

Иошивара, квартал любви в Токио, известный путешественникам и морякам всего света, означает по-японски „болото счастья“. Закон от 2 марта знаменует его постепенное иссушение, а не немедленную засыпку. Иошивара должна в 1932 г. лишиться своего теперешнего значения, которому она служила почти 3 столетия.

Иошивара была государственным установлением, концессионированным с 1615 года. Концессия накладывала на цех хозяев домов терпимости заботу о том, чтобы ни одна проститутка не занималась своим ремеслом в самом Токио, и возмещение официально признанных издержек на проведение полицейского контроля. Кроме того, должен быть отчислен определенный процент с доходов в пользу казны.

Большинство дьоро, — так называют жриц Венеры Иошивары, — попало против своей воли в „болото счастья“. Маленькими девочками их продавали хозяевам домов терпимости непосредственно родители или, позднее, когда эта торговля была запрещена, через сводников. Эти сводники предоставляют их милости или немилости хозяев домов терпимости, потому что по законам Иошивары для ухода куртизанки из этой „темницы наслаждений“ требуется согласие родного отца куртизанки. Бегство же из Иошивары, вследствие бдительного надзора связанной с хозяевами домов терпимости полиции, невозможно. Попытка почти никогда не удается и доставляет несчастной дьоро жесточайшее наказание от ее хозяина.

Громадные барышни хозяев домов терпимости превращают их в ростовщиков. Довольно часты случаи, когда дочь бедных родителей предоставляет себя для покрытия взятой ее родителями суммы на определенное время владельцу дома терпимости. Она заключает с ним договор, в котором точно должны быть указаны размер долга, время, на которое она делается проституткой, плата, которую она должна требовать от своих посетителей. Однако ж, может случиться, что

она, несмотря на все гарантии, должна еще остаться на неопределенное время, если ее хозяин вновь предоставил ее отцу ссуду, и последний не дает требуемого согласия на ее уход из дома терпимости. Даже суд отказывает в таких случаях повлиять на хозяина публичного дома. В своей книге „Иошивара, город любви японцев“ доктор Презмин сообщает о таком факте: молодой человек, любивший дьоро, хотел уплатить ее долги, выкупить ее. Но отец девушки отказался дать разрешение на ее увольнение из дома терпимости, так как хозяин был против этого. Полюбившие друг друга молодые люди обратились в суд и добились приговора, гласящего о свободе дьоро после уплаты ее долгов. Однако ж, полиция отказалась добиться разрешения ее увольнения под тем предлогом, что увольнение без разрешения отца противоречит статутам корпорации Иошивары.

От входных ворот в Иошивару ведет вглубь знаменитая улица пятидесяти чайных домов. Они играют роль биржи для сводников и сводниц.

У моста, ведущего в Иошивару, находится с давних пор полицейский пост. Однако ж, его главная задача заключается в том, чтобы помешать бегству дьоро из „болота счастья“.

Проститутки у входа в публичный дом

Старый обычай — выставлять продажных девушек в решетчатых ящиках напоказ публике — отменен. Теперь владельцы домов терпимости распространяют списки и фотографии своих красавиц — восхваляют их в стихах.

Главенство в домах терпимости принадлежит „ярите“ — экономке. Ее основной обязанностью является воспитание молодых девушек, попавших в дома терпимости. По закону они имеют право приступать к своей профессии, только сделавшись взрослыми. „Ярите“ почти всегда была в молодости дьоро и обычно исключительно сурова с своими товарками. Улучшение или ухудшение печальной участи дьоро вполне зависит от нее. Она имеет право телесных наказаний над живущими в ее доме.

Многочисленные самоубийства прекрасно иллюстрируют романтическое счастье дьоро, которым полны описания Иошивары. Кстати, эти самоубийства вызвали запрещение посетителям иметь при себе оружие или взрывчатое вещество. Чересчур часто случалось, что куртизанки овладевали тем и другим для того, чтобы ценой жизни уйти из „болота счастья“. Владельцы чайных домов и домов терпимости должны сами следить за выполнением посетителями воспрещения иметь при себе оружие. Они раньше должны были вести журнал, в который были занесены фамилии, социальное положение, возраст, происхождение и адрес посетителей, и, таким образом, они олицетворяли своего рода уголовную полицию.

Отношения между гостем и дьоро и по сей день развиваются при соблюдении старых форм. Гость должен следить за выполнением внешних правил приличия, он должен, помимо вперед уплачиваемой таксы, сделать небольшой подарок избранной им дьоро. Получить этот подарок — единственное право, остающееся за дьоро при этой торговле.

Б. Дикнайцкий.

ками, они смогли бы поднять тысячный голос в честь революции; войска, маневрировавшие то медленным, то форсированным шагом перед представителями народа; гонка судов на Сене с прыжками в воду, состязания, песни и пляски народностей, процессии, подчеркнуто-праздничные одежды, обилие цветов и дубовых ветвей, символические изображения республиканских добродетелей, — вот что характеризует празднества Великой французской революции. К организации их привлекались лучшие

представители искусства, художники, скульпторы, музыканты, артисты. Программы празднеств, заранее детально разработанные, — оживлялись непосредственным участием всего народа. Многие, что увлекало революционных французов, идеи, вдохновлявшие участников празднеств, в роде идеи Верховного Существа, символика, неременная их спутница, — отошли для нас в область предания. Но мысль, то здоровое начало, которое положено в основу, так сказать, „организованной свободы“ празд-

неств, нам близки и могут быть использованы. Мы находимся сейчас накануне празднования 10-летия Октябрьской революции, и взгляд в прошлое, без сомнения, был бы очень полезен. Заимствовав некоторые идеи, заразившись общим духом французских празднеств и использовав технические достижения современности (радио, кино, автомобили, аэропланы, физкультура и т. д.), можно было бы провести предстоящие торжества при живейшем участии всех граждан.

Татьяна Дыблик.

ДВА ДРУГА

Рассказ Новикова-Прибоя.

Недалеко от города, пестреющего в июльском зное зеленью деревьев, куполами церквей, железными и тесовыми крышами построек, вдоль отлогого берега реки, шурша мелкой галькой, шел одинокий человек. В его походке чувствовалась твердость двадцатипятилетнего мужчины. Лево́й рукой он поддерживал несколько удилищ на плече, а в правой нес ведро изпод наживки и фунтов пять рыбы, нанизанной на шпагат и сверкающей чешуей, как длинные слитки серебра. Все его платье состояло из парусиновых штанов и такой же толстовки с широкими карманами. Встречный ветерок развеивал на обнаженной голове длинные вьющиеся волосы, черные, с синеватым отливом, как весеннее перо касача, и, забираясь за расстегнутый ворот рубахи, приятно ласкал грудь. На смуглом, с крупными чертами лица разливалось самодовольство здоровья и силы, с примесью молодого задора.

Это был художник Роман Степанович Басыгин. Недавно, этой весной, он кончил Художественную академию и, вернувшись в Сибирь, к себе на родину, пока ничего не делал, наслаждаясь всеми благами дикой природы и рыбной ловли. Сейчас он возвращался домой. Узкие и цепкие глаза его то и дело поглядывали на реку, любуясь изумительно игрою вод, позолоченных полуденным солнцем. Река была широка и быстроходна. Где-то на юге, за тысячу верст, родилась она, мелкая и узкогрудая, а потом, принимая в себя другие воды, постепенно расширяясь и углубляясь, протекала мимо города уже мощными потоками. У художника, смотревшего на нее, откладывался в мозгу образ голубой и ослепительно сияющей змеи, пробирающейся через огромнейшие пространства Сибири. Извиваясь, она резала степи и долины, вторгалась в тайгу, раздвигала каменные утесы и мчалась дальше, чтобы исчезнуть головою в Ледовитом океане.

Художник, проходя мимо небольшого залива, увидел плоты и без раздумья завернул на них. Зачем это нужно было ему? Он и сам не знал. Поздоровавшись с плотовщиками, он уселся вместе с ними на бревна. Закурили и понемногу разговорились. Роман Степанович внимательно всматривался в обожженные лица своих собеседников, стараясь по внешним чертам определить характер каждого, а те в свою очередь недоверчиво прощупывали глазами этого странного человека. Вдруг послышались скулящие звуки. Художник, оглядываясь, спросил:

— Что это у вас? Собачонка, что ли?

— Щенок наш, Бук, — ответили ему.

Художник, как страстный охотник и любитель собак, заинтересовался, обшаривая взором плоты.

— Да где он?

Плотовщики тоже оглянулись, и один из них, старший над всеми, лысый, желтобородый, тоже спросил:

— А и вправду, где бы он мог быть?

Все бросились на звуки щенка. Искать долго не пришлось: он просунул между раздвинувшимися бревнами мордашку и жалобно скулил, прося помощи. Оказалось: играя, он свалился в воду и попал под плоты. Вытащить Буйка никак нельзя было,

так как голова его не проходила между бревен. Один из плотовщиков поддерживал его, чтобы он не утонул, а остальные загалдели, обсуждая, как спасти щенка. Художник почувствовал боль в груди, точно

кто дернул за нитку, прикрепленную к его сердцу, и быстро разделся. Все посмотрели на него с недоумением, как на юродивого, а желтобородый старик, пугливо мигая глазами, предупредил:

— Осторожнее, паря. Тут глубоко. Придется под плоты лезть сажени на две. Долго ли до греха? А тогда отвечай за тебя. Давай-ка лучше обяжем тебя, мил человек, концом веревки. Оно надежнее будет.

Художник, охваченный возвышенным порывом, словно ему предстояло спасти не щенка, а ребенка, бросил в ответ:

— Ерунда. Я хорошо плаваю и ныряю.

Он смело погрузился в прохладную воду и, еще раз взглянув на человека, поддерживавшего щенка, чтобы вернее определиться по нем, скрылся под плотами. У него с детства осталась привычка — нырять с открытыми глазами. Но под плотами было темно. Только кое-где просвечивали узкие солнечные полосы. Лево́й рукой он перебирал бревна над головой, а правой — выгребал, работая при этом и ногами. Полоса засияла сильнее, изумрудно-золотистая, а в ней обозначилась небольшая тень. Это был щенок, болтающий ногами. Художник схватил его одной рукой и, погрузившись глубже, чтобы не удариться головой о бревна, нырнул в обратный путь.

Плотовщики ждали, разинув рты и прекратив дыхание, и молча переглядывались. Странный человек с черными длинными волосами исчез. Каждого из них уже беспокоила мысль об ответственности. Все страшно обрадовались, когда художник показался над поверхностью реки, держа в руке Буйка. Басыгин, подплывая к плотам, тяжело дышал. Люди с бронзовыми лицами прониклись к нему таким уважением, что помогли ему влезть на бревна. Он начал одеваться, а они, обступив его, закачали головами, говоря:

— Ну, брат, ты и чудила. Разве можно так рисковать жизнью?

— Я бы за пятачок не полез.

— Хотя бы щенок был дельный. А то — так себе, рвань какая-то. Чорт с ним совсем — пусть тонет.

— Да и надоед он нам. По всей ночи скулит. Спать не дает...

Художник посмотрел на Буйка: действительно, он был какой-то нескладный и настолько худой, что сквозь мокрую, прилипшую шерсть проступали ребра. Дрожь пробегала по всему его телу. Он ошалело крутился, отряхался, фыркал и не переставая скулил. Это несчастное существо возбудило жалость у Басыгина. Он обратился к плотовщикам с просьбой:

— Отдайте мне щенка.

Желтобородый старик ответил:

— Отдать можно. Только вон, как ребята?

Остальные, замолчав, опустили головы.

— Вы все равно не стали бы спасать своего Буйка!

— Да ведь это неизвестно, — сказал один из плотовщиков и посмотрел вдоль реки, туда, где через нее ажурными переплетами перекинулся железнодорожный мост.

Художник продолжал настаивать:

— Сами же вы сказали, что он никуда негодный щенок.

— Да это кто-то с дуру ляпнул. А по правде — из него должен выйти хороший кобель. Захуял он у нас без молочка.

Желтобородый старик, заискивающе взглянув на художника, посоветовал:

— Ты вот что, паря, — дай-ка им на табачок и забирай Буйка.

Басыгин заплатил полтинник и, простившись, ушел с плотов со щенком.

Часа полтора он просидел на берегу, на горячей гальке. Щенок высох, согрелся и стал ласкаться к нему. На плотах, очевидно, не баловали Буйка: он опаршивел, местами серая шерсть вылезла. Но что-то благородное было в выражении его коричневых глаз. Художник погладил по его костлявой спине и сказал:

— Отныне ты будешь носить другое имя: „Адмирал“.

И пошел с ним домой.

Проходили недели, месяцы. Адмирал рос, познавал мир и все больше привязывался к новому хозяину. Года через полтора из него получился здоровенный и умный пес. Он был красив в своей атласной дымчатой шерсти с желтоватыми подпалинами на животе, с белой звездочкой на лбу, с веселыми глазами кофейного цвета. Трудно было определить, к какой породе он принадлежал. Что-то волчье было в его корпусе, в сильной клыкастой пасти, в лобастой голове с остро торчащими ушами. Но в то же время его весьма пушистый и подвижный хвост, а также необыкновенная любознательность ко всему указывали на то, что он имеет какое-то отдаленное родство с сеттерами. Нрав у него был мирный, но вместе с тем, если его задевали, проявлял пылкую воинственность. У него не было привычки отступать перед врагами. Иногда, поднимая шерсть на спине, он храбро врывался в кучу нападающих на него собак, сшибая их с ног могучей грудью, и горе было тем, которые не успели увернуться от его страшных челюстей.

Кроме того, Адмирал оказался хорошим охотником.

Однажды Басыгин вместе с ним долго пропался вокруг озер и болот. Только что открылся летний сезон охоты. Стрелять приходилось много. Адмирал с азартом лазил по камышам и куте и усердно подавал убитую дичь, виляя мокрым хвостом. За плечами у художника висела большая связка уток. Это было верст за двадцать от города. Когда они вернулись к реке, где была оставлена лодка, уже смеркнуло. Оба чувствовали себя усталыми. Ночевать здесь было рискованно: могут ночью бродяги напасть.

Против них, немного дальше, чем середина реки, за ее стреженье, находился небольшой островок. Много раз они ночевали на нем. Туда нужно было пройти на лодке между двух громадных камней. Отстоя друг от друга сажени на пятьдесят, они высывались из-под воды на самом глубоком и быстроходном месте, как два чудовищных кита. Этот путь хорошо был знаком художнику.

Здесь берег лежал отлого, усыпанный мелкой галькой. Сейчас же начинались луга, душистые от свежего сена. А по ту сторону реки черным облаком поднялся крутояр, и с него, придвинувшись вплотную, смотрела на быстрые воды тайга, дикая и жуткая в этот ночной час. Тихий и теплый сумрак окутал землю. С безоблачного неба ласково струились звезды.

Басыгин сказал, обращаясь к Адмиралу: — Плыдем, друг, на остров. Там безопаснее будет нам.

Адмирал, хорошо понимая хозяина, радостно взвизгнул, потеряв у его ног и первым прыгнул в лодку. Вслед за ним вошел и хозяин. Он бережно уложил в носу дичь, ружье, патронташ и сумку с провиантом, а потом на всякий случай сшил с себя куртку, брюки и даже сапоги. Оставшись в одной рубашке, он оттолкнул лодку дальше в воду и, как полагается, начал забирать вдоль берега вверх по реке, против течения, пользуясь мелководьем. Это было предпринято для того, чтобы потом, когда попадет на стремнину, не очутиться ниже намеченного острова. Показалось, что он прошел достаточное расстояние. Басыгин повернул лодку поперек реки. Чем дальше уходил от берега, тем быстрее становилось течение. Он сильнее начал наваливаться на весла, но его сносило вниз по реке. А когда приблизился к проходу между двух камней, с левой стороны послышался шум. Это вода буйно разбивалась о гранитный выступ. Сознание озабочено странной мыслью, что он слишком близко очутился около второго камня. Трудно было удалиться от него на этом стремительном течении. Лодку понесло с головокружительной быстротой. И два живых существа полетели в пенную пасть смерти, а она рычала, захлебываясь, ликующая и неутомимая. Басыгин крикнул, насколько хватало голоса:

— Прощай, Адмирал!

В этот момент раздался под ним треск. Лодка разлетелась в щепки. Куда-то полетели, сорвавшись с неба, яркие звезды. Могучий поток, вздуваясь и дробясь на перевале, ударил художника о гранит. Напрасно он старался за что-нибудь ухватиться. Водопад смял его своей тяжестью, с ревом швырнул в глубину. Все это произошло с такой быстротой, что некогда было опомниться. Перевертываясь и крутясь, человек опускался в бездонную яму реки, словно гири. Мир превратился для него в слепой шумно бурлящий поток. В легкие ворвалась вода. Казалось, не будет конца его провалу. А когда перестал крутиться, он смутно понял, что его отнесло от ямы. Теперь все усилия воли были направлены к тому, чтобы не глотать больше воды. Он начал выгребать руками, ощущая, что его выносит на поверхность реки. Поднимаясь, он открыл глаза. И вдруг сквозь слой воды показалось черное небо, опустившееся необыкновенно низко, и на нем, дрожа, засверкали огромнейшие капли крови. Но прошла еще какая-то доля секунды и сразу все изменилось: темно-синяя высь мерцала далекими звездами, он мог уже, предварительно откашлявшись, свободно дышать.

Художник, придя в себя, огляделся. Около него оказалась другая голова. Это плыл рядом Адмирал, отфыркиваясь и жалобно повизгивая.

Нужно было плыть к левому берегу, более отлогому. Художник начал работать руками и ногами неторопливо, зная, что не скоро доберется до суши — поэтому нельзя горячиться. К сожалению, левое плечо у него оказалось расшибленным и при движении отзывалось болью. Это обстоятельство еще больше затрудняло его тяжелое положение. Приходилось отдыхать, переворачиваясь на спину, а его несло вместе с собакой по течению, — несло в неведомое. Ночь была тиха, и в эту дремлотную тишину врвался голос, полный отчаяния:

— Спасите... Погибаю...

Правый берег, заросший глухой тайгой, насмешливо повторял те же слова, словно кто-то перекликался с человеком.

Кто мог помочь утопающему человеку в эту почтовую пору? Его противниками были река, ее могучее течение, даль. Этого было вполне достаточно, чтобы усомниться в спасении.

Отдохнув, он опять плыл к левому берегу. Но с каждой минутой запас сопротивления истощался. Все тело стало зб-

нуть. Ушибленная рука отказывалась работать. Вдали чуть-чуть мерещилась отлогая земля, к которой он подвигался невероятно медленно. У него не было опоры, а так хотелось почувствовать под собою что-нибудь твердое. Чтобы не провалиться в податливую массу воды, он все чаще переворачивался на спину, освобождая грудь от тяжести: так легче дышать. Смотрел в глубину неба, в безмолвную ночь, развесившую над ним мерцающий покров, и спрашивал самого себя:

— Неужели так нелепо выпаду из жизни?..

В нем поднимался ярый протест. Он опять двигал руками и ногами, заколеченными от стужи. Но успех был слишком мал, чтобы мог надеяться достигнуть суши. И когда понял это, задрожал, — задрожал внутренне, словно по всему организму уже разливался смертельный яд. Вода засасывала его, сдавливая грудную клетку. Тревожно стучало сердце, но он уж хорошо знал, что через несколько минут оно перестанет биться, как маятник, исчерпавший энергию заведенных гирь.

Агония началась на виду желанного берега, до которого оставалось сажень двадцать. Все тело потеряло гибкость, отяжелело, словно налилось ртутью. Захлебываясь и давясь водою, успел прохрипеть:

— Погибаю, Адмирал.

Пес, почувствовав тревогу в его голосе, подплыл к хозяину ближе и заскулил, а тот, утопая, инстинктивно протянул к нему правую руку. Качнулось небо, закружились сверкающим роem звезды. Мозг начал творить нелепости. Вспомнилось, как бегал в аптеку, когда жена собралась родить, и как, возвращаясь обратно, растерял половину медикаментов; это обстоятельство почему-то его очень сокрушало. Потом пошло другое: какой-то злодей, сидя на нем верхом, душил его за горло и его же красками забивал ему рот и ноздри. Задышавшись, художник изворачивался. На мгновение перед глазами вспыхивали красные огни. И еще что-то было, пока не погрузился в мрак, в мертвую тишину...

Из тайги осторожно выбрался маленький и кривой осколок лунного диска. Слабый свет упал на землю, на широкую поверхность реки. От стогов, деревьев и других возвышенностей бесшумно протянулись тени и застыли, словно прислушиваясь к тишине звездной ночи.

Художник открыл глаза. Он лежал неподвижно на чем-то твердом, вытянувшись во весь свой рост. Не было ни холода, ни боли, словно все тело его стало деревянным. Где он, что с ним случилось — он все забыл. Он почти не ощущал самого себя. Голова жила отдельной жизнью, каким-то смутным сознанием, маленькой частичкой неуспешного застынувшего мозга. Над ним мерцали звезды. Они были все в том же строгом распорядке, в каком он застал их, придя в этот мир. Хотелось снова закрыть глаза, но звезды почему-то беспокоили его, вносили в сознание тревогу. Все это он недавно видел, но где? Всякая связь с прошлым оборвалась. Он стал усиленно думать, но прошло довольно много времени, прежде чем удалось добраться до истины. При таких же звездах он плыл по реке, захлебываясь. Мысль, возбуждаясь, постепенно восстанавливала картину его крушения в обратном порядке, начиная с последнего впечатления и кончая первым, когда лодка разбилась о камень. К нему начали возвращаться физические ощущения. Он почувствовал, что живот его необыкновенно раздут, дышать было тяжело и в легких что-то хлопотало. Слышались всплески воды. Несомненно было, что он находился на самом краю берега. Но как он попал на сушу?

Нужно было что-то предпринять, чтобы спастись от гибели. Но с ним случилось

нечто странное и необычное: он не знал, как нужно повернуться, как пошевелить рукой или ногой. Неужели пришла смерть? Звезды уходили в глубь неба, тускнели. Он с болью застонал. И вдруг над ним наклонилась черная тень и что-то горячее коснулось его лица. Получилось такое впечатление, как-будто по щеке гладили рукой. От такого явления он пришел в ужас и застонал еще сильнее. А черная тень ласково заскулила. Только после этого он понял, что это его облизывает верный друг — Адмирал. Он собрал весь остаток энергии и перевернулся на живот. Из него хлынула вода. И по мере того, как освобождался от нее, усиливалась головная боль, настолько мучительная, как будто мозг рвали колючими проволоками.

Им овладело единственное желание — не упустить жизнь. Он начал дергать одним плечом, потом другим. Мускулы его скрипели, как сырмятные ремни. Дыхание становилось все глубже, свободнее. Он задвигал руками и ногами, отползал по отлогому берегу прочь от реки и через силу преодолевая каждый вершок расстояния. Адмирал, радостно повизгивая, продолжал лизать горячим языком лицо хозяина, шею, уши, а тому казалось, что от собачьих ласк вливается в тело благодатное тепло. Все его движения были невероятно слабы и медлительны, но он уже размял себя настолько, что мог ползти на четвереньках. Пес теперь сопровождал молча. Друг он насторожился, бросив взгляд на хозяина, а затем вперед. Очевидно, ему показалось, что художник к кому-нибудь крадется, как это случалось на охоте. На берегу было пусто. В типичные ночи похрустывала галька. На востоке, задержавшемся черными облаками, образовалась узкая горизонтальная трещина, сверкала красным золотом. Казалось, там, вдали, треснули горы и сейчас из них польется огненно-жидкая лава. Художник ползал долго, прежде чем решился встать. Ноги его, широко раставленные, дрожали и подгибались, как у ребенка, впервые поднявшегося без посторонней помощи. И однако он крикнул от радости:

— Друг мой, Адмирал! Теперь будем живы!

Пес, проявив свой восторг, бросился к хозяину на грудь. Тот полетел кувирком, ударившись с размаху о землю. Загудело в голове, но падение вызвало прилив новых сил. Он слабо упрекал своего друга, поднимаясь на ноги:

— Что ты делаешь, Адмирал...

Пес продолжал опрокидывать его. Через некоторое время он настолько окреп, что пошagal вдоль берега. Разгоралась зари, развешивая по небосклону огненные полотноща. Река, зардевшись, попрежнему катала могучие потоки к угрюмому северу. Четко обрисовался противоположный берег, упираясь в синеющее небо зубцами пихт и елей. Озера на лугах закурились молочным туманом. Звонко перекликались перепела. Со свистом пронеслись утиные стаи. Пес не обращал на них внимания. Возвращение хозяина к жизни возбудило в нем бурную радость. Он убежал в сторону, возвращаясь, кружился, опрокидывался на спину, заливаясь неистовым лаем.

Только теперь художник увидел в зажатом правом кулаке клочок шерсти, выдернутой из собачьего хвоста. Он сразу понял, как удалось ему спастись. Он подозвал к себе Адмирала, крепко обнял его толстую шею и сказал с дрожью в голосе:

— Спасибо тебе, верный друг.

И вместе с ним помчался вдоль берега, оглашая реку радостными криками. Он бежал до восхода солнца, бежал до тех пор, пока все тело не покрылось потом. Наступал знойный день. Можно было отдохнуть.

А. Новиков-Прибой.

В одной из станиц Кубани довелось мне побывать лет пять назад на собеседовании в каком-то полковом кружке расположенных в то время здесь частей 1-й Конной армии.

Говорил лектор о древних полководцах и стратегах, об Александре Великом, Цезаре, Ганнибале. С большим интересом слушали красноармейцы лекцию. Когда лектор закончил и спросил, есть ли вопросы, кто-то сзади, вздохнув тяжело, отозвался:

— Есть!

Оттуда встал и вышел вперед приземистый очень плечистый кавалерист, облаченный в красные шаровары, с пистолетом в руке. Он поднял брови и поморгал узкими глазами украинца, готовясь высказаться, поглядел по сторонам и удивленно и медленно сказал:

— Це, усе хорошо. Александр Македонский, Юлий Цезарь, Ганнибал...

Погладил круглый бритый лоб, блестящий и потный, и выставил одну ногу вперед, обращаясь к лектору.

— Воювали, воювали — не було.

Развел руками.

— Виткиля-ж воны взялись?

Собрание разразилось смехом. Удивлен и рассержен был кавалерист. Воевал он с Деникиным, Красновым, Врангелем, Слащевым, Петлюрой, Бухаховичем, поляками и покончил на всех фронтах, а теперь ему толкуют об Александре Македонском, Юлии Цезаре, Ганнибале... Откуда же они взяли? Где они были? Почему он не имел удовольствия вытупить из Царицына Александра Македонского, отнять у Ганнибала Тихорецкую и Юлиа Цезаря пустить по Черному морю?

Когда ему разъяснили, что эти полководцы были давно, он недовольно выслушал, похлестал плеткой голенище сапога и покинул зал.

Мне сказал сердито:

— Так шо ж про них читать? Мабуть усь вони були были скорвяки. Попередохли, и хай!

Потом мы познакомились с ним. Звали его Анапасом Никифоровичем, по фамилии Затули-Ветер. После демобилизации я однажды был у него в гостях в станице на

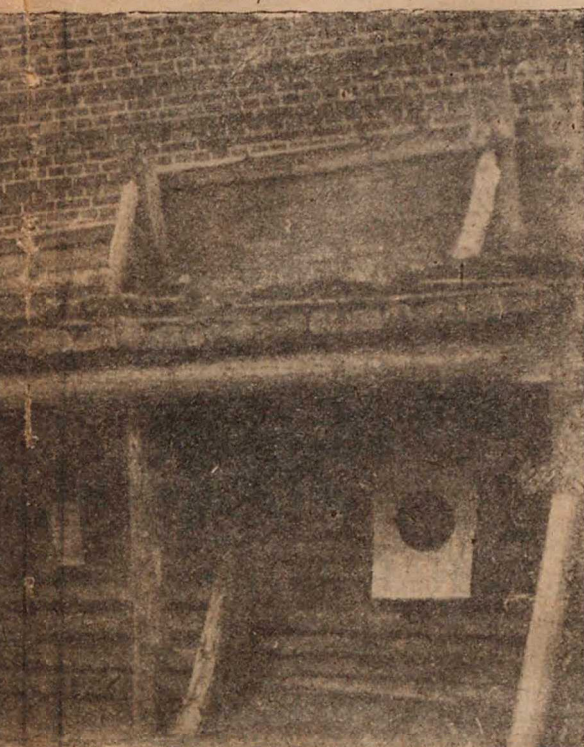
Дону. Иногда он присылал мне письма, с просьбой посоветовать, разъяснить путанные вопросы, информации, дал о станичных не порядках, и недавно, после долгого молчания, прислал большое письмо, которое я привожу здесь ниже почти целиком, в некоторых местах даже сохраняя орфографию.

Здрастуйте...

Спешу уведомить вас, что погода у нас выпала сначала черти какая: сунило, и суховей дул, как тал недужная корова сурлом, и потом упал дождь, и я очень доволен вместе с женой нашей Акулиной Харитоновной. Про жену нашу Акулину Харитоновну я вам напишу сейчас, потому как она, причинивши мне, можно сказать, герою 1-й Конной, а также бойцу, который имеет орден Красного Знамени и участвовал на всех фронтах с белой гидрой.

ОБИДА

Снимки Г. Каравасва.

Я, дорогой товарищ, рубал, чего и вам желаю, и рубал я как есть по всем правилам, то-есть с правой руки, перегибался на седле и не терял стремян, а жена моя Акулина Харитоновна сидела дома и цыпляет кормида. Разве это не обидно, спрашиваю я вас?

Опять скажу про бабу свои мысли. Как баба, то она должна по природе кормить цыплят, потому — в ней такое телосложение, разве не факт? Факт.

И не потому мне горько, а по другому, о чем спешу уведомить вас, как я обещал вам прописывать пронашу станичную жизнь.

Погода у нас ничего теперь, и кобыла наша благополучно ожеребилась вороним жеребенком — кусачий стервец и злой. Хозяйство мы свое справляем фактически; купили в Товариществе лобогрейку, но косы в ей заедают, отчего? — Наверно, сталь липовая, я так думаю себе, но не ручаюсь.

Выписую я газетку „Советский Пахарь“ и читаю жене нашей Акулине Харитоновне, ударяю их в просвещение, и они маракуют по грамоте — даже приятно мне, как старому сознательному бойцу, уверяю вас.

Но спешу уведомить вас о таком происшествии, что я вышел как бы дурак перед своей собственной женой, и надо мной смеются станичники — за что, дорогой товарищ, спрашиваю я вас?

Может, конечно, дорогие наши Семен Михайлович и не помнят вас, как было у них сорок тысяч таких гавриков, как я, а другой кто помнит и завсегда скажет — Затули-Ветер — боец, а не шпана. Уверю.

К чему весь этот разговор? Я не могу выразиться, как надо, потому по писарской части мы — не факт, не скажу.

Как за последнее время появились тые самые прииски с разных сторон, и Чербельмен организует новую гидру, то и у нас в станице хоть не центр, но мы никакие такие, а все-таки имеем понятие. Говорю я на том самом основании жене нашей Акулине Харитоновне: „Как есть вы передовая женщина, то пишитесь в военный кружок, как говорится, осо и авиахим.“

Жена наша противление не имела на том факте, но сказала мне, что весь век она боялась ружья, и ежели бы по перевязкам, то с удовольствием. Я, конечно, с женой нашей нахожусь по быту и равноправно по приказую ей — пишитесь в кружок, и крышка.

Сам я ее повел в кружок и записал, а она все глупо смеялась, и ребята успокоили ее — не стесняйтесь, такое время. Она сказала успокоенным голосом: „Чорт с вами, давайте ружье, только без пули.“

Не могу я вам, дорогой товарищ, описать всех ихних занятий. Занимаются у их товарищи обоих

Обучение стрельбе в кружке Осоавиахима.

полов по два раза в неделю. Устроили они себе стрельбище, и я спрашиваю раз у жены нашей Акулины Харитоновны, для чего служит шомпол. И отвечает она мне, дорогой товарищ, по уставу. Я даже засмеялся и сказал — да.

Ни буду занимать вас, как есть вы деловой человек, но скажу. Был праздник, какой не помню, и жена наша одела мою гимнастерку, подпоясалась и говорит мне: „Иду на состязание“.

Подумайте, какие слова. Я, конечно, пошел за ней следом посмотреть, как бабы стреляют. Удивительно это и удивительно. Собралось того кружка, может, 35, а, может, полсотни человек: молодые казачки и мужской пол, есть старики — только один. Другие старики пришли смотреть — очень интересно. Стреляли они, скажу вам, с полным спокойствием и даже хорошо, и старики выражались: „Здорово, молодцы“.

Я тоже так выражался и хвалил, как приятно мне, старому бойцу, смотреть на это, но вот.

Взяла винтовку жена Акулина Харитоновна, и лицо у них суровое, как будто на крестинах, а я волнуясь, не знаю сам чего.

Бабы говорят ей: „Кулюша, докажи за нас“ и так далее выражают, а она целится и лепит то в окошечко Чемберлену и так в мишень, и не могу вам выразить, как мне приятно. А казаки говорят мне:

— Затули-Ветер, а ну, возьми винтарь и покажи им, как мы стреляем. Я говорю — могу. Кончила моя баба стрелять, то захожу я до их командира и говорю — так и так. Как есть ко мне все уважение, то дали мне винтовку, приладился я и говорю: — Считай!

Сожалено я, но вам пишу откровенно — вышла пахобное дело, и я сел и утерся. Объявил ихний командир под конец состязаний нани попадания и говорят такие слова точь-в-точь: „Затули-Ветер Акулина Харитоновна — 82 очка, Затули-Ветер Анапас Никифорович — 63.“

На 19 очков моя стрельба хуже сортом — вот вам и я. Казачки проклятые затюкали меня и говорят мне неподобные слова, в роде я хуже бабы. Я, конечно, ушел, а жена следом за мной и говорит мне: „Анапас Никифорович, — не обижайтесь на меня, я не виновата и, может, это ошибка вышла. А какай же ошибка, когда факт?

И, конечно, если бы при старом режиме и несознательный, я бы, может, дал мутки жене нашей Акулине Харитоновне, но я сказал им — спасибо.

И пишу я вам, дорогой товарищ, большая эта обида для меня, старого бойца и героя, потому стыдно пройти в исполком по станице. Акулина Харитоновна долго мне в глаза не смотрела, а потом я сказал им от чистого сердца: „Молодец, и горжусь, но, все-таки, большая обида, что ни говорите. И с тем до свиданья.“

Анапас Затули-Ветер.

* * *

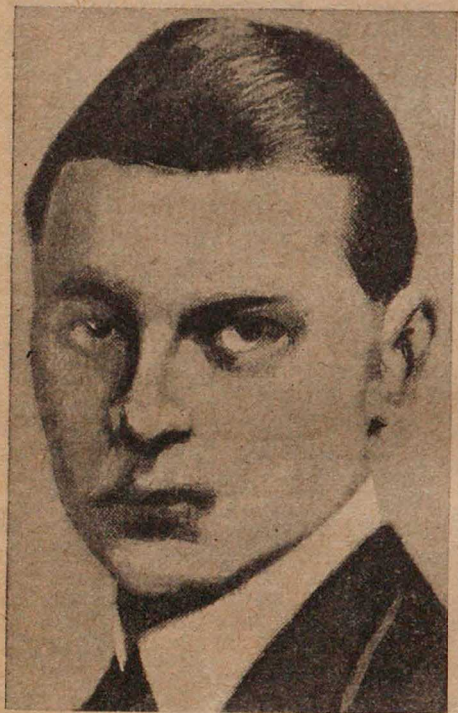
Остается мне подкрепить это письмо небольшой выдержкой из газеты „Правда“. Только несколько слов:

„В станице Морозовской недавно производились состязания по стрельбе в местном стрелковом кружке. Женщины, которые еще очень недавно боялись вида винтовки, вышли победительницами на состязании. Попадания среди казачек — 75 в среднем, среди мужчин — 55“.

Ник. Погодин.

„РЕВИЗОР“ В ПОСТАНОВКЕ ГЕРМАНСКИХ МОНАРХИСТОВ

Монархия скончалась. Вильгельм сбежал. Прочие монархи попрыгали было в подполье. Но монархический дух, византизм верноподданничества живы еще в широких кругах немецкого народа.

Князь Вильгельм.

Чтобы убедиться в этом, надо покинуть „красный“ Берлин, заглянуть в провинцию, ну, хотя бы в Тюрингию. Там в старое, доброе время — что ни городишко, то столица, со своим князем, своим двором. Счастливые бюргеры утопали тогда в чарующем блеске княжеской атмосферы.

Теперь пошли другие времена. Бывшие „батьюшки“, оправившись от первого страха революции, требуют возмещения конфискованных имуществ, бесконечными процессами выжимают, что можно, из своих бывших стран. Но и тут подтверждается старая преданность и верноподданническая любовь: хоть бей, ничто не удержит нас от преклонения перед его высочеством.

Трудно бороться против такого духа. Ибо он является не чисто-политическим фактором, а непререкаемой страстью к подхалимству. Но один способ воздействия все же еще возможен; это — смех.

И теперь весь мир запомнит „капитана“ Копеника¹ современного немецкого подхалимства — Гарри Домела. Гарри Домела родился в Латвии, вырос под жестоким режимом закрытого заведения. Еще мальчиком вступил в ряды немецких ландскнехтов в Прибалтике, где усвоил три практически-полезные способности: авантюризм, нахрап и чрезвычайную развязность. После ликвидации балтийской авантюры Домела переехал в Германию, здесь работал в имениях, служил в рейхсвере, голодал, сидел в тюрьмах, совсем опустился. Не везло ему. Обращался Домела к чопорным благотворительным учреждениям, но должен был убедиться, что там помогают только обедневшим аристократам. Домела озарила новая мысль: назваться бароном. И вдруг все пошло по-иному. У молодого „барона“ началась новая жизнь.

Домела отправился в Гейдельберг и представился там феодальной студенческой корпорации Саксо-Боруссов, как князь фон Ливен. Его тотчас пригласили покурить. Развязное, нахальное поведение не оставило никаких сомнений в подлинности его аристократического происхождения.

Следующим этапом „князя“ Домела был город Эрфурт. В книгу тамошней лучшей гостиницы он записался бароном фон Корф. Он вдруг почувствовал себя центром всеобщего внимания. Хозяин гостиницы просил его занять княжеские апартаменты, весь персонал превзошел самого себя в привычной угодливости.

— „Кто же я, по вашему мнению?“ — уверенным тоном спрашивал Домела. — „О, мы сейчас узнали ваше императорское высочество!“ — благоговейно ответил хозяин. „Кто же я?“ — допытывался Домела. — „Ну, конечно, великий князь Вильгельм прусский, старший сын престолонаследника“, — уже более репентливо выпалил хозяин.

Домела был в довольно потертых брюках, но черты его лица имели некоторое сходство с отпрыском Гогенцоллернов. „Инкогнито“ императорского принца не помогло; весь город заволновался при слухах о высоком посещении. Местные аристократы и офицеры рейхсвера отдавали честь, коммерции советник представил свой автомобиль в полное распоряжение принца.

Домела совершил триумфальную поездку по тюрингическим городам. В Гота бывший придворный театр устроил торжественное представление в честь императорского высочества. На суде он не без цинизма рассказывал, как все это чопорное общество, точно зачарованные его присут-

ствием, пресмыкалось у его ног, чуть не лизало его сапоги. Или, как полиция дала ему в сопровождение нескольких полицейских чинов для его охраны.

Домела, однако, чувствовал, что когда ему сообщили, что в городе его ждут представители гогенцоллернского дома, он в последний раз занял некоторую сумму денег и скрылся. В Кельне его изловили. Любопытно, что ни одно из „пострадавших“ лиц не подало жалобы на Домела, чтобы не быть привлеченным в качестве свидетеля на суде. И самый суд сострадательно избавил их от общественного позора.

Домела в общем недурно разыграл свою роль. Еще долго будут смеяться над ловко одуроченными им провинциалами из так называемого „лучшего общества“.

Гарри Домела.

Но Германская республика кишми кишит подлинными князьями бывших династий. Их встречают с тем же низкопоклонством, что и Домела. Кое-кто пожмет плечами и посмеется, но ни смехом, ни республиканским энтузиазмом не вытравит этот глубоко засевший дух рабства и лизоблюдства.

¹ Известный немецкий авантюрист.

СТАРЫЕ ПЕСНИ РЕВОЛЮЦИИ.

Очерк П. Н. Лепешинского.

Каждая эпоха характеризуется не только своими особыми историческими задачами, своими политическими мотивами жизни, своими красными и черными страницами в истории общественного движения, но и своими песнями, — в частности, революционными гимнами, которые по каким-то таинственным законам коллективной психики становятся модными, хоровыми, распеваются на студенческих вечеринках, на рабочих массовках и проникают в гущу народных масс. Так, например, между современным репертуаром пришедших по вкусу толпы вокальных новинок и между революционными песнями 70-х или 80-х годов прошлого столетия в такой же мере мало общего, в какой вся послеоктябрьская по-

П. Н. Лепешинский.

лоса нашей революции в целом — с ее дерзновенной переоценкой всех прежних политических, социальных и моральных ценностей, с ее властной и требовательной «даешь» по адресу темных сил старого мира — далека от той легендарной эпохи, когда небольшая кучка героев выдерживала неравный бой с самодержавным чудовищем.

Пишущему эти строки приходит на память время его студенчества — вторая половина 80-х годов. Дворянско-политическая реакция, превратившая всю Россию в унылое кладбище, торжествовала свою победу над революционным народничеством. После неудачного покушения на царя «последних из могикан» народовольчества — Ульянова, Генералова и других первоапрельцев 1887 г. — в стране Деляновых и Победоносцевых воцарилась удручающая тишина. Даже традиционная «Дубинушка» не дерзала врываться нескромным аккордом в это царство молчания и смерти. Разве лишь загнанное в манеж «бунтующее» студенчество позволяло себе роскошь сначала робко, неко-

са поглядывая на окружение из сотни «фараонов», а потом все дружнее и дружнее — тысячеголосым хором — грянуть «Зимушку-зиму» или «Гей, дубинушка, ухнем».

Помню, — препровожденные из манежа в Спасскую часть на Васильевск. острове (это было в 1887 году), мы быстро отвоевали себе там нужное количество свобод, а в том числе и свободу горланить песни во всю мощь своих голосовых средств. Нашим лю-

бимым вокальным номером была песня про комара, который сидел на дубу и затем стал жертвой непредвиденной катастрофы, когда подул вдруг легкий ветерок, повалил дубок, и этот последний придавил несчастного комара. Самые веселые моменты наступали тогда, когда какой-нибудь очередной импровизатор из присутствующих завывал, делая догадку о личности «упокойника».

— «Уж то не ректор ли Владиславлев?»

— «Владисла-Владисла-Владиславище», — дружно подхватывал хор в сто молодых голосов.

— «Не Держиморда ли это Грессер?» — строит гипотезу запевало.

— «Это Грес, это Грес-Грессище», — громовым ахом раскатывается по всему участку, к ужасу добродушного зрителя, с тоской внимающего дерзновенному поношению имени «самого» господина градоначальника, но в то же время отнюдь не расположенного вступать в опасные для него конфликты с сотней озорников, с которых ведь взятки гладки.

Распевая «Комара» или песню про то, как «синим мундиром» посчастливилось отыскать у студента под конторкой пузырек с касторкой, плененная и нервно возбужденная молодежь как будто забывает на этот раз, что, кроме задорных, веселых песенок, есть еще и такой род песни, о котором бредит Некрасовский проезжий по Владимирке:

«Пел бы я песню про эту дорогу,
Пел бы — да ревня ревел,
Песней над песнями была бы эта
Песня... да петь не рука».

И действительно, революционная песня, вышедшая из недр старого народничества, не отличается торжествующими, победными мотивами. Если исключить «Дубинушку» с ее преувеличенной верой в «русского мужика» и искусственно бодрым аккордом, звучащим по поводу того, что когда-нибудь «настанет тот год — наш проснется народ» (который, — увы! — пока крепко еще спал), «разомнет он могучую спину» (увы! — пока что еще согнутую и не обнаруживавшую ни малейшей тенденции к выпрямлению) и подымет на тиранов своих дубину, — если не принимать в расчет этого, так сказать, официального гимна старого народничества, в общем и целом революционные песни того времени имеют характер тоскливых переживаний на тему о чувствах и думах политического узника, или же об отомщении палачам в будущем су-

ровым приговором исторической Немезиды. Самое видное место в репертуаре этих песен занимают песни о тюрьме, о неволе.

Пушкинский «Узник» уныло распевавший совершенно не на тот залихватский мотив, которым сейчас нередко угощает своих слушателей наш радио, «Ночь темна — лови минуты» (кажется, стихотворение Огарева, заканчивающееся сожалением о том, что у пленника нет ни ножа, ни пистолета для укорочения обреченной на муки жизни), «Что мне она» (в песне идет речь о пленнице, неподвижно лежащей на тюремной койке, с лихорадочно-знойными очами, без мысли и слез), «Обейте оковы, дайте мне волю», жуткое «Слу-шай!», раздающееся, как стон, в ночной тишине под окном тюрьмы, — все это как раз те самые безнадежные песни, которые отражают в себе основной трагизм революционера 60-х — 80-х годов. Порыв, схватка с чудовищем, и затем долгие годы ужасной тюрьмы, отчаяние, мечты о смерти или роковой побег.

Г. М. Крижановский.

Но ведь там, за тюремной стеной, зреет революционная стихия! Там живет неистощимый и неистребимый «русский мужик»...

То-то что и с этой стороны не очень-то радостно... — «Укажи мне такую обитель, — плачется интеллигентское «я» народника, — я такого угла не видал, где бы сеятель твой и хранитель, где бы русский мужик не стоял».

Ну, а картина крестьянского труда? Разве не «весело видеть толпу поселян, в землю бросающих горсти семян»? Увы, и здесь, при воспоминании о полном разгаре страды деревенской, неотступно легут мысли «о долюшке русской, долюшке женской»...

Но не только склонная «к резиньяции» (к безнадежному унынию) интеллигентная душа старого революционера не знает иных мотивов, кроме нерадостных, непо- бедных, полных тоски, а и масса, и рабочий люд не оглашает своей улицы торжествующими гимнами: «Ах ты, доля, моя доля, доля бедняка» — слышится в рабочих кварталах, если только вообще там находит себе место эта робкая гостья-песня общественная, а не утарная матаня. Не весело и ткачу: «Эх, главный мастер, хо- зяин, надсмотрщи- ки, жить ведь я тоже хочу»...

Н. Некрасов.

Л. П. Радин.

В Пермской тюрьме.

Зарисовка худ. Журавлева. Музей Революции

Одним словом, по выражению поэта (Л. Пименова) „песни борьбы, песни свободы, так ли вас пели в прежние годы? В прежние годы рабства и горя вы не взлетали, с вихрями спора! Вы не гремели грозно и смело, пламя надежды вас не согрело! Вы не горели жаждой битвы, — нет! Вы рыдали, точно молитвы“...

Но вот наступают другие времена, и эти другие времена знаменуются другими песнями. Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса, во главе с таким орленком воинствующего, задорного, революционного марксизма, как Владимир Ильич... Выступление на сцену нового персонажа революции — классово осознавшего себя пролетария... Нарушение прежней кладбищенской тишины шумом победных петербургских стачек в середине 90-х годов... Переполох растерявшейся жандармерии... Первые розоцветные зори перед восходом солнца могучей пролетарской революции...

„Ночи кошмарной тень отлетела: в сердце народа рабство истело! Пали оковы духа смиренья, все загорелось жаждой мщенья“. И революционная песня тотчас же начинает отражать этот новый дух времени: „Песня не стонет и не рыдает, — смело бороться всех призывает“.

Помню, как в 1898 году мы, первые слышные социал-демократы, хотя и плененные царским правительством, но отнюдь не обескураженные и не придавленные своим „несчастьем“ (мы уже хорошо знали тогда, что „завтра и на нашей улице будет праздник“), с шумным восторгом подхватили привезенный в ссылку Фридрихом Вильгельмовичем Ленгником новый мотив получивший быстрое распространение среди питерских рабочих песенки: „Смело, товарищи, в ногу“. Стихотворение было написано в 1896 г. (по воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, Леонидом Петровичем Радиным, одним из первых участников московского рабочего движения). Если в прежних песнях „не про радость — про горе там пели“, то на этот раз в любимой песне не только питерских рабочих, но и самого Ильича, который никогда не уставал упиваться ее бодрящими звуками, звучали уже совершенно другие аккорды.

„Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой“... Да, это уже не одиночка герой, а толпа, масса, коллектив.

„Черные дни миновали, час исполнения пробил“.

Не в будущем, не когда-нибудь „настанет тот год, когда „проснется народ“, а уже сейчас, уже пришло то время, когда нужно „за дело приниматься“ и поспешить в бой, не боясь „призрачной силы царей“.

„Сами набьем мы патроны, кружьем привинтим штыки“.

И оружие предвидится уже другое. Не „зеленая дубинишка“ ухнет, а патроны решат вековую тяжбу угнетенного народа с проклятым царизмом и с „игм проклятой нужды“.

Это была, если не ошибаюсь, первая революционная песня нового типа национального происхождения. Незадолго перед этим репертуар русской революционной поэзии обогатился мотивами, заимствованными из другой страны, которая немного опередила коренную Россию в росте пролетарского движения, а именно — из Польши. Весною 1897 года первая, так сказать, авангардная группа пионеров русской социал-демократии, отправляемых в ссылку, застряла в Бутырках по дороге в Сибирь. Это были сподвижники Ильича по Союзу борьбы — Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, А. А. Ванев, Ю. О. Цедераум (Мартов) и другие. Сюда же в это время прибыла и партия польских рабочих социал-демократов (Томас, Петрамеск, Теофиль Влостовский и др.). Поляки внесли новую свежую струю в нашу „Часовую башню“, и притом не только своими рассказами о героической борьбе польских пролетариев с капиталистами и с царской охранкой, но и запасом своих революционных песен. Мы как-то сразу почувствовали, что молодому пролетарскому движению в коренной России нехватит соответствующих вокальных источников возбуждения его революционной энергии. Поэтому-то наша группа с жадностью набросилась на польские песенки, как на хлеб насущный. Наш „природный“ поэт Глеб Максимилианович Кржижановский тотчас же принялся за перевод или переложение этих песенок на русский язык, и, таким образом, получился ряд гимнов, которые с тех пор пошли гулять по белу-свету. Таково именно происхождение известных двух гимнов: „Варшавянки“ (наш поэт в данные вокальные рамки

уложил совершенно новое словесное содержание) и „Красного Знамени“. Кроме того, с польского Кржижановским же был переведен гимн „Шалыте-шалыте“ — „беснуйтесь тираны, глумитесь над нами“, — гимн, каждый куплет которого заканчивался грозным, рокошным — „Позор, позор, позор вам, тираны!“ К сожалению, великолепный потресающий мотив этого гимна почему-то не привился, не получил широкого распространения в массах и теперь известен, пожалуй, немногим лишь „старикам“, помнящим еще о том времени, когда и Владимир Ильич с увлечением распевал вместе со своими слышными товарищами: „И-стыд, и страх, и смерть вам, тираны!“

Точно также не получила распространения и даже не была переведена любимая нами (и Ильичем) первомайская польская песенка, блестящая юмором и молодым задором:

„От-то пшидшел май урочий,
Зеленое блонь и ляс.
Засвентовал люд рабочий,
Свентованы пшидшел час.“

Фабриканты в лямент кшики:
Повстаныли им фабрики...
В том играй! В том играй!
Нех се свенше перший май!
Нех се вали, нех се пали,
А мы бендим световали —
Впшито разом: гоп, га!“

(Не ручаюсь, однако, за правильность транскрипции) ¹.

Помнится, еще наш минусинский хор с удовольствием исполнял тоже заимствованные от поляков песни — „За Неман“ и гимн галицийских разбойников, заканчивавшийся бьющими, как удары колокола, звуками припева: „Юж нам венцей не звонят звоном колонем“.

Как бы то ни было, но „часовая башня“ и минусинская ссылка Ильича и его первых соратников подарили пролетариату не мало новых мотивов революционной поэзии, которая с тех пор заметно не обогащалась вплоть до Октябрьской революции.

Н. Ленишинский.

¹ В русском переводе приведенное начало этой песенки звучит так: „Вот пришел и май урочный, зеленеет луг и лес. Запраздничал люд рабочий, его праздника пришел час. Фабриканты поднимают жалобные вопли: стали их фабрики... В этом-то и вся штука! В этом вся штука! Да будет праздник 1 мая! Пусть все рухнет, пусть все горит, а мы все-таки будем справлять свой праздник. Ну, все разом: гоп-га!“

СИМОНОВО

Большинству москвичей до последнего времени Симоново было известно больше по наслышке.

Для искушенных в литературе Симоново ассоциировалось с именем Карамзина, благодаря близости к монастырю знаменитого в свое время „Лизинго пруда“, о котором неизвестный шутник пушкинской эпохи оставил двусмысленное:

Здесь Лииза утонудла, Эрастава певича.
Торопиться, барышни, — для всех вас станет места!...

Вместе с забвением Карамзинской героини прекратились и паломничества на далекую московскую окраину.

Прошли десятки лет, прежде чем в Симоново снова потянулись вереницы „паломников“.

Новых советских паломников привлекает, однако, не грязная лужа старого пруда, а грандиозный памятник древней русской архитектуры — Симонов монастырь, обращенный Главнаукой в музей.

В праздничные дни от остановки 16-го номера трамвая направляются к монастырю группы экскурсантов, с любопытством оглядывая крепостную стену с ее красавицами башнями.

Почти на километр тянутся „новые“ стены крепости, отстроенной в первой половине XVII века.

Основание монастыря принадлежит значительно более отдаленной эпохе.

В 1379 году Дмитрием Донским за год до знаменитой Куликовской битвы было „учинено начало“ Симонову монастырю-крепости, возведенной для защиты Москвы с юга от татарских нашествий.

Как и все крепости того времени, Симоновская была обнесена деревянной оградой — „палисадом“.

В „смутное время“ Симоново явилось одним из оплотов реакционных сил.

Гарнизон крепости, возглавляемый черноризными хозяевами, оказал в 1610 г. отчаянное сопротивление народной армии, осадившей его под предводительством Волотникова.

Одной из неотложных забот первых Романовых было укрепление старых монастырей, могущих в тяжелую минуту спасти династию.

В 30-х годах XVII века крепостные стены были отстроены вновь.

Стены имеют четверо ворот и двое „вылазных воротец“ с уцелевшими в последних интересными приспособлениями для подема и спуска решетчатых заграждений...

В старых стенах тонущей в зелени крепости заключены интересные памятники древней архитектуры.

Древнейшим из них является трапезная 1485 г. Небольшое двухэтажное, приземистое здание представляет собой редчайший образец гражданской архитектуры XV века.

Монастырь же богат редкими памятниками современными Иоанну.

К 1554—59 гг. относится своей постройкой прекрасный по композиции Успенский собор, подвергшийся в следующем столетии значительным изменениям.

К сожалению, в 30-х гг. XIX века по почину „радетелей благолепия“, к собору была пристроена ризница, а рядом возведена огромная колокольня, давящая этот интересный памятник.

Грозный, частенько заглядывавший в Симоново с женой Марией Темрюковной, лично наблюдал за постройкой Успенского собора.

На „первый спас“, лютый царь купался по традиции в Москве-реке под монастырем, после чего кормил и напаивал братию.

Симоново связано и с другой любопытной исторической фигурой времен опричнины.

В склепе под собором похоронен „царь“ Семен Бек-Булатович, посаженный „на Москуе, в издевку боярам“.

Ослепленный впоследствии Грозным "Царь Семен" закончил свои дни монахом Иосифом Симонова монастыря...

— Музей организован всего лишь год назад, а прежние владельцы-монахи — „ловцы душ“, мало интересовавшиеся археологией, а потому и поправляли какой-нибудь храм „благоления ради“, то безбожно уродовали его своей безграмотной и всегда

логией, а потому и поправляли какой-нибудь храм „благоления ради“, то безбожно уродовали его своей безграмотной и всегда

Проходя мимо небольшой наворотной церкви, построенной в память отогнания хана Казы-Гирей в конце XVI ст., посетителей останавливает большое трехэтажное здание того же времени.

Здание это, считавшееся раньше недостроенным дворцом, служило, как это выяснено находкой новых документов, конюшней и солодовней.

У входных ворот видно сквозь густую листву массивное здание новой трапезной — великолепный образец московского барокко.

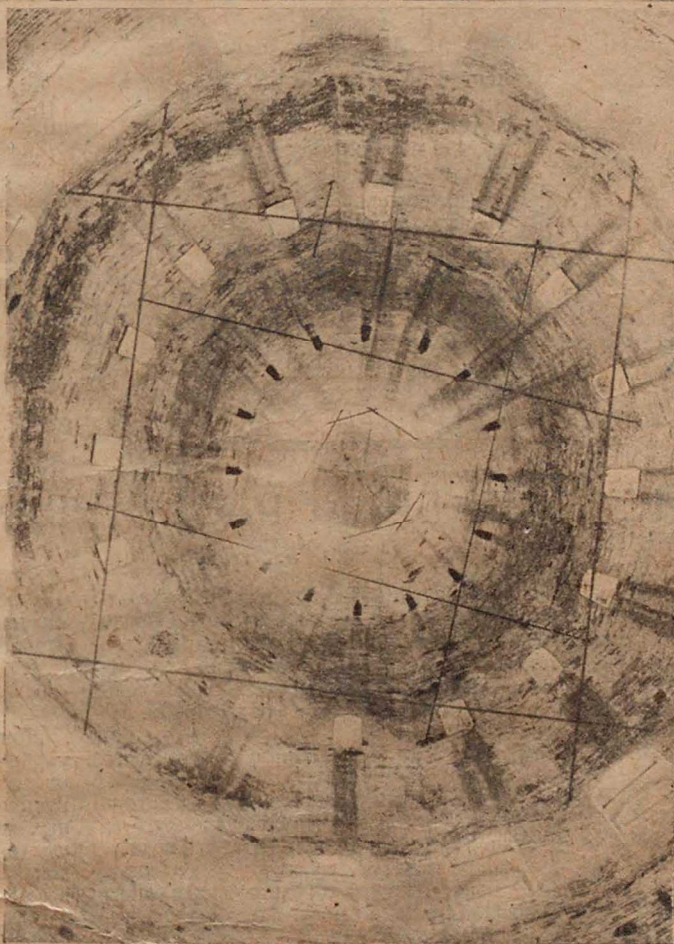
Здесь собраны древние планы Симонова, образцы строительных материалов, памятники ратного быта и другие предметы, исторически связанные с древней подмосковной крепостью.

В музее хранится, между прочим, интересный документ XVII ст. — „общежитный устав“, один из наиболее жестоких, изуверских монашеских уставов, написанный настоятелем Симонова — Гавриилом Домецким в конце XVII ст.

Выставкой заканчивается экскурсия.

Экскурсанты группами разбредаются по монастырю взглянуть еще раз на особенно заинтересовавший памятник или располагаются на широкой террасе собора, обмениваясь впечатлениями.

— Почему так запущено большинство архитектурных памятников?

безвкусной реставрацией...

— А есть ли старые легенды у Симонова монастыря? — раздается чей-то робкий голос...

Над романтиком благодушно пошмеиваются...

Неугомонные паломники Симонова заглядывают во все уголки монастыря.

У некоторых проявляется страсть к изысканиям. Заглядывают в гигантские пустующие подвалы, некогда набитые монастырским добром, ходят, читают надписи на плитах старого кладбища.

— Смотрите, товарищи, — восклицает кто-то, — „Павел Дмитриевич Свинын“...это, кажется, декабрист?!

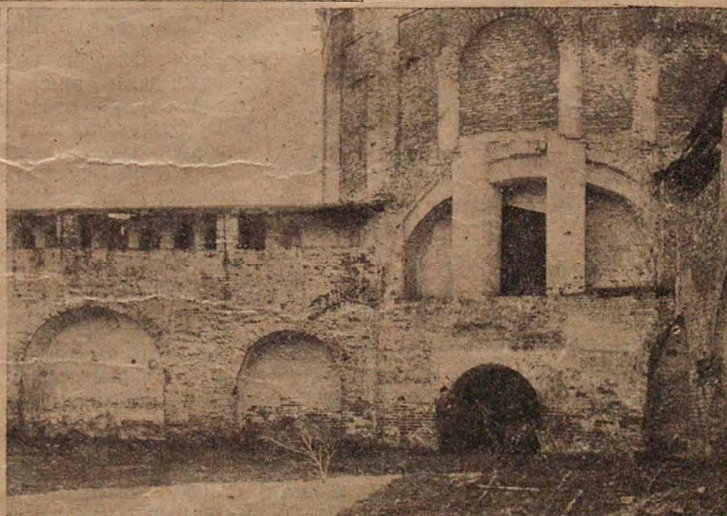
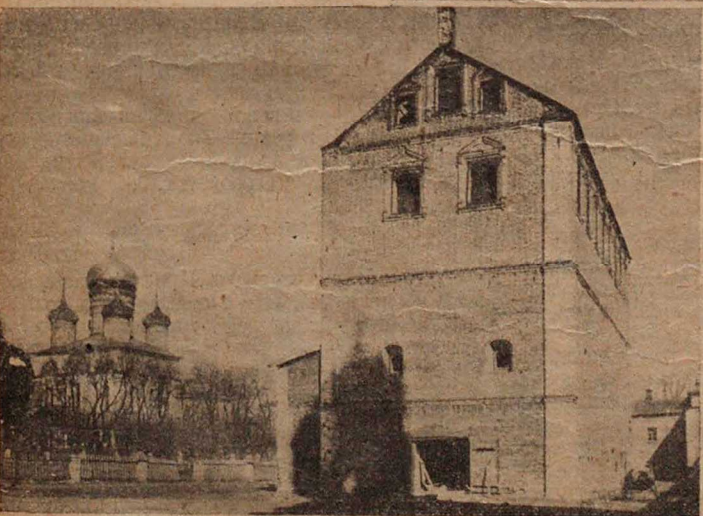
Бегут к руководителю за разъяснением. Действительно, здесь похоронены декабристы: Свинын, братья Васильчиковы и вдова казненного Муравьева-Апостола, урожденная Шаховская.

Кто-то находит погребенные семьи Аксаковых, среди которых могила известного писателя Ивана Сергеевича...

У старых мшистых стен подбирают обвалившиеся кирпичи с клеймами XVII века, какие-то черепки...

В Симоново, к древним памятникам, бывшим так долго в пренебрежении, потянулась молодая, новая жизнь, жадно впитывающая все, что дает культура прошлых веков для новой стройки...

В. А.

На снимках: наверху с лева — трапезная, выстроенная в 1680 г., направо — стена монастыря с большой башней „Дуло“, посередине — внутренний вид башни „Дуло“, внизу, налево — Успенский собор, направо — вход в башню „Дуло“.

БАЛЛАДА О ЧЕТЫРЕХ БРАТЬЯХ.

Джека Алтаузен.

Иосифу Уткину.

Домой привез меня баркас,
Дудил пастух в коровий рог.
Четыре брата было нас —
Один вхожу я на порог.
Сестра в изорванном платке
И мать, ослепшая от слез,
В моем походном котелке
Я ничего вам не привез.
Скажи мне, мать, который час?
Который день? Который год?
Четыре брата было нас —
Кто уцелел от непогод?
Один любил мерцанье звезд,
Чудак до самой седины.
Всю жизнь считал он, сколько верст
От Павлограда до луны.
А сосчитать и не сумел,
Не слышал, цифры бороздя,
Как мир за окнами шумел
И освежался от дождя.
Мы не жалели наших лбов,
Он мудрецом хотел прослыть,
Хотел в Калугу и Тамбов
Через Австралию проплыть.
На жеребцах со всех сторон
Песлись мы под гору пыля,
Под головешками ворон
В садах ломились тополя.
Встань, Запорожье, сдуй золу!
Мы спали в яворах твоих,
Была привязана к седлу
Буханка хлеба на троих.

А он следил за пылью звезд,
Не слышал шторма и волны,
Всю жизнь считая, сколько верст
От Павлограда до луны.
Сквозной дымился небосклон,
Он версты множил на листе,
И как ни множил — умер он
Всего на тысячной версте.
Второй мне брат был в детстве мил.
Не плачь, сестра, утешься, мать...
Когда-то я его учил
Из сабли искры высекать.
Он был пастух, он пас коров.
Потом пастуший рог разбил —
Стал юнкером...
Из юнкеров
Я Лермонтова лишь любил.
За Чертореем и Десной
Я трижды падал с крутизны,
Чтоб брат качался под сосной
С лицом старинной желтизны!..
Пас годы сделали грубей,
Он захрипел, я сел в седло.
И ожерелье голубей
Над ним в лазури протекло.
А третий брат был рыбаком.
Любил он мирные слова,
Но загорелым кулаком
Мог десны вывернуть у льва.
Сады сседали липаи,
Деревни гибли от огня.

Не считив рыбьей чешуи,
Вскочил он ночью на коня.
Вскочил и прыгнул через Дон.
(Кто носит прамы и рубцы
Того под стаями ворон
Выносят смело жеребцы).
Но под Варшавою, в дыму,
У пашки треснули края,
И в ноздри хлынула ему
Дурная, теплая струя.
Домой привез меня баркас,
Гремел пастух в коровий рог.
Четыре брата было нас —
Один вхожу я на порог.
Вхожу в обмотках и в пыли,
И муу буденовку в руке,
И загорелые легли
Четыре прамы на щеке.
Летят вороны с проводов.
Пять лет не слезил я с седла,
Чтобы Республика садов
Еще пышнее расцвела.
За Конотопом, за Двиной
Я был без хлеба и воды,
Чтобы в Республике родной
Набухли бронзою плоды.
И если кликнут — я опять
С наганом стану у костра.
И обняла слепая мать,
И руку подала сестра.

Джека Алтаузен.

ВЫПИСКИ ИЗ БРАКОРАЗВОДНЫХ ДЕЛ.

Юмореска Б. Левина.

„Хоть муж мой, Василий Давыдкин, и по-божился пальцем меня не трогать, а все-таки каждый день и по праздникам кулаками и табуреткой по чем попало. Вся в синяках. Нет живого места на моем теле. То прошу развести нашу окаянную жизнь.

Мария Подкопаева.“

„Наш брак был зарегистрирован, когда я еще обучался в ВУЗ'е. Так сказать, был молод и по неопытности женился на своей квартирной хозяйке Елене Ран. Сейчас же, по окончании медфака, считаю, что мы друг другу не пара и по интеллекту, и по взглядам, и с медицинской точки зрения. Прошу расторжение нашего брака ускорить, так как я получил назначение и уезжаю.

Борис Тучкин.“

„Прошу сию минуту, немедленно, сейчас же нас развести.

Н. Каплева. 25/VI—27 г.“

„В виду того, что все уладилось, прошу нас не разводить, и заявление мое, поданное вам два часа тому назад, разорвать (зачеркнуто), считать недействительным.

Н. Каплева 25/VI—27 г.“

„Позавчера мы зарегистрировались, и я был уверен, что так и есть, как она убеждала меня до регистрации, — что корова и ажурная машина принадлежат ей. А на деле набрехала — и корова, и инструмент чужие. У нее же ни машины, ни скотины нет, кроме 8-летнего братишки, который — факт! — сидит на мою шею. Хватит с

меня, что целных два месяца за ней ухаживал. Тратился на театры, каленые орехи и прочие развлечения. И хорошо еще, что так быстро спохватился. Прошу раз навсегда вычеркнуть наш брак и вновь меня сделать самостоятельным гражданином.

Иван Подалки.“

„В виду того, что жена моя каждый день пристает — то ей сапожки, то шляпку, а то и духи. И все ей мало. Тут жрать нечего, сам оборванным хожу, а ей тигли-фигли, и никаких. То прошу порешить нас, и basta. Больше терпеть не могу. Была бы шея — хомут найдется.

Сам рабочий Михаил Верстаков.“

„Вернувшись из командировки по служебным делам, прямо с вокзала еду к себе домой. Стучу — не открывают. Стучу сильней. Открывает мне дверь незнакомый мужчина, а жена лежит на диване. Сразу мне не понравилась вся эта обстановка. Спрашиваю ее:

— Это что за тип?

Она молчит. А он кричит:

— За оскорбление ответите. Я ее люблю. Тут мне, конечно, все стало ясно, и эту ночь я почевал на столе в своем учреждении.

Было это месяца три тому назад. Все некогда было оформить развод, а сейчас, наконец, выбрался и прошу расторгнуть брак.

Л. Гурьян.“

„Она каждый год по Кисловодским и Крымам шляется, а ты работаешь, как конь.

Не желаю я этого больше. Давно собирался, но сейчас окончательно и бесповоротно стал на эту точку и прошу развода.

С. Германович.“

„Когда была моложе, то, конечно, была ему нужна, а сейчас, как не те годы и вся от него же в женских болезнях, то плевать хочет. В дом приводит разных уличных женщин и на моих глазах с ними хлещет вино и водку и целуется. Больше такой каторги выдержать не могу. Еще он в анкете пишет, что он сын крестьянина, а я у них в деревне была и все видала. Нечего сказать, хороший крестьянин, когда у них дома всего полно: две коровы, три лошади, ульи с медом, и самогонный аппарат. А выдает себя за крестьянина, обманывает Советскую власть!

Милиционером зовет он „милтошками“, протоварища Терехова — партийца, который живет на нашем дворе, — сказал: „Плевал я на него“. Если потребуются, то можно и свидетелей.

Евросинья Каркина.“

„Прошу нас развести. Причина сест, но мы ее не можем вслух на людях выложить. Зарегистрировались дня три, что ли, тому назад.

Анатолий Чернобузов
и Анна Бялочкина.“

„Надоела мне вся эта музыка, прошу развести.

Мих. Сергеев.“

МОСКВА—БАКУ ЗА СУТКИ

Записки воздушного пассажира.

Наш RR4 мчится на юг. Четыре пассажира сидят в аппарате. Внизу в прозрачной пропасти, плывут зеленые панорамы лесов, сверкающие реки, бурные людские становища. Люди-мухи смелее птиц. Они выбегают из убежищ и с энтузиазмом ма-

— Не нужно,— говорит тов. Юнгмейстер,— мы сейчас выйдем из дождевой полосы. В Курск хорошая погода.

Как поспешное доказательство, тучи сразу начинают таять, появляются голубые провалы и мы выпрыгиваем к солнцу.

бегут по ним из глубины страны, к подездам портовых городов. Двигутся на север угольные платформы и нефтяные цистерны. От Ходынки до Каспийского моря восходит навстречу самолету сладкий дым отечественной промышленности.

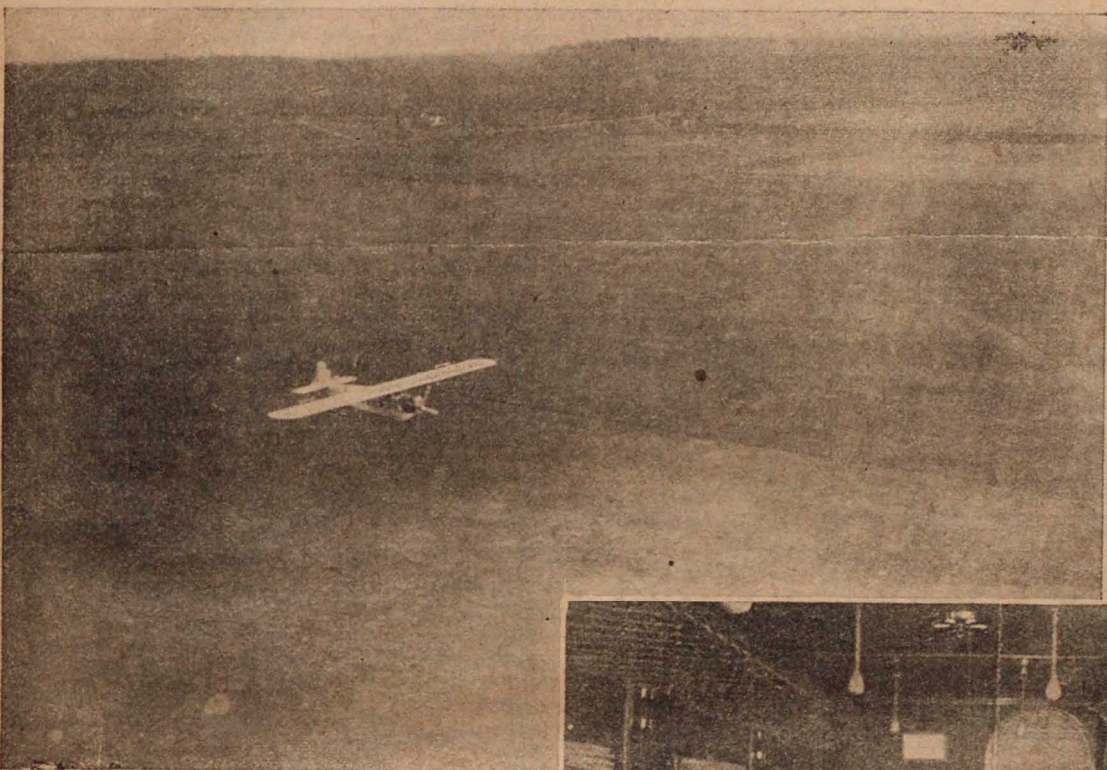
Через пять часов полета мы снились в Харькове. Здесь мне пришлось стать жертвой еще одной из летных традиций. Подлетев к городу, мы описали широкий круг. Правое крыло моноплана неожиданно и резко сделало крен, так что окно кабины очутилось у меня под ногами. Дома, люди, сады чудовищно выросли. Все это бросилось на меня с такой быстротой, что я схватился за карандаш, чтобы наскоро набросать собственный некролог.

Через минуту на прекрасной и прочной земле я атаковал летчика.

— Что это такое?

— Один из приемов изящной посадки.

— Благодарю, но изящества не заметил. Может быть, с земли?

Самолет Укрвоздухпути „Дорнье—Комета“ в пути.

шут руками и шапками, приветствуют летающих людей. Машем ответно, в глупой надежде, что с земли увидят. Слово на экране, снятые замедленной съемкой, проходят подмосковные промышленные города — Серпухов, Богородск, Тула. За Тулой бесконечные вереницы деревень, ровные простыни нив, беспорядочно сверстанные и похожие на уездную газету.

Воздух с силой обтекает самолет. Высовываю из кабинки голову. Голова возвращается обратно, аккуратно причесанная. Скорость — сто, сто двадцать, еще минута — сто пятьдесят километров в час. Далеко сзади, на узкой линейке пути застыл поезд, „остался ночевать“, как говорит механик.

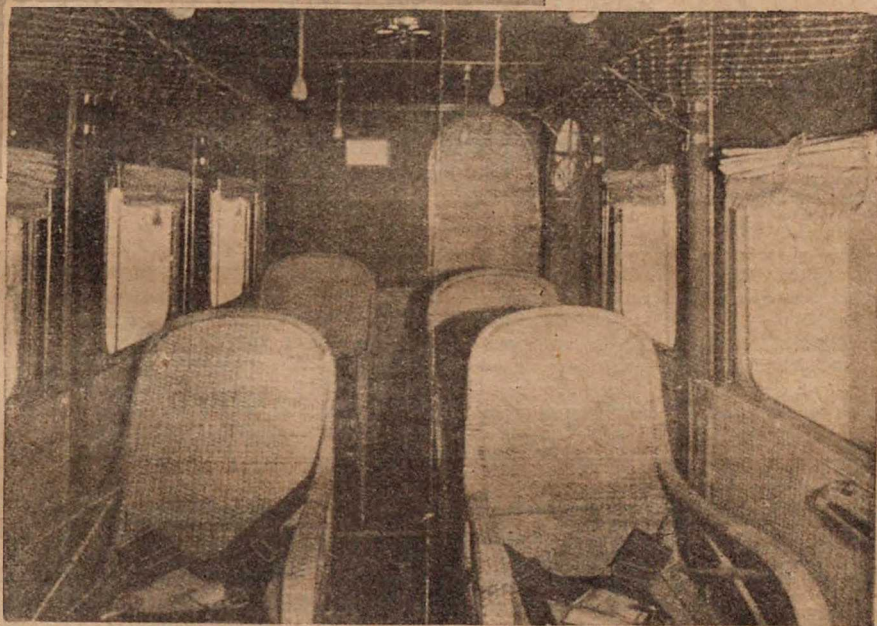
У Орла внезапно забираем вниз. Земля летит навстречу, увеличивая формы и предметы. С бешеной скоростью мы проносимся над самым аэродромом, задевая траву колесами шасси. Механик что-то кричит, жестикулирует в окно группе людей, стоящих на аэродроме.

Иду на блок-посте своему соседу, тов. Юнгмейстеру, директору Укрвоздухпути.

— Почему мы опускались так низко? Ведь посадки не было.

— Это наша летная традиция,— отвечает тов. Юнгмейстер.— Таким образом мы приветствуем наши воздушные станции и в то же время даем им понять, что все обстоит благополучно.

Скоро погода меняется. Мы попадаем в полосу сильного ветра и дождя. Начинает качать. Иногда аппарат подкакивает и целую секунду падает вниз. В эти секунды сердце немножко, но довольно приятно поет. Говорят, такое ощущение похоже на муки ревности. Берусь за ремни и хочу пристегнуться к креслу.

Кабина самолета „Дорнье — Меркур“.

Оказывается, дождевая туча не была секретом для летчиков. Все города на воздушной линии дают сведения о погоде. Ежечасно летят телеграммы в Москву, Харьков, на крупные аэростанции.

— Ветер — три балла. Небольшая облачность.

— С северной стороны — дождевая туча. Ветер — шесть баллов.

— Самолет был виден в Курске в 9 часов утра, на высоте 250.

Качка, впрочем, не зависит от плохой погоды. В ясные солнечные дни аппарат сильно трясет и подкидывает. Причины — колебания слоев атмосферы. Иногда между плотными стенами движущегося воздуха образуются провалы — воздушные ямы, в которые и попадает самолет.

Чем дальше на юг, тем резче меняется лицо страны. Отходит горизонт, ширится перспектива и растет кругозор человека на самолете. Великая территория лежит внизу, доступная оценке и глазомеру. Ветры бродят на золотых полях, плодородных черноморских равнинах. Караваны поездов

В Харькове смена аппарата. Пока кипит предотлетная суeta, я расспрашиваю тов. Юнгмейстера.

— Скажите, какова у вас стоимость полета?

— Стоимость одного места у нас теперь не дороже мягкого места в железнодорожном вагоне: Москва — Баку — 50 рублей, Москва — Харьков — 26 рублей.

— Идет ли дальше Баку ваша линия?

— Нет, раньше от Баку самолеты летали до Тифлиса. Теперь мы эту линию закрыли. Мы думаем, если удастся, установить линию Кавказ — Тифлис через горный хребет. Это будет красивейшая и первая высотная в мире дорога. Тогда путь Москва — Тифлис будет покрываться в 15 часов. Это имеет большое значение.

— Какое значение?

— Во-первых, быстрая доставка пассажиров и грузов, особенно почты и печати. „Правда“, „Огонек“ и другие издания будут пересылаться в Тифлис в течение одного дня. При чем стоимость доставки экземпляра будет не дороже одной копейки.

Кроме того, зимой Закавказье обычно бывает отрезано от остальных республик. Сообщение по Военно-Грузинской прекращается, а железная дорога Баку—Тифлис удлиняет путь на три дня. Мы же предполагаем нашу линию сохранить и зимой.

— Что вам для этого нужно?

— Очень немного. Несколько самолетов с высотными моторами, так как линия пойдет на высоте не менее 4.000 метров над снежными вершинами хребта. Мы поднимаем вопрос перед СТО о приобретении таких самолетов.

— Проект вполне разумный и необходимый. Еще последний вопрос. Много ли у вас на линии бывает несчастных случаев?

— За несколько лет нашей работы всего один случай в Харькове, с корреспондентом „Правды“ тов. Розенблатом. В последний год не было даже ни одной вынужденной посадки. Много мешает нам обывательская боязнь полета, а иногда просто новизна. Но вы, кажется, сами убедились.

— Да, я теперь убежден. Летать более удобно, чем страшно. И полет так же опасен, как и прогулка пешком.

В конце поля уже машет нам начальник аэродрома. Пора садиться. Наш трехместный „фоккер“ уполз в ангар. Перебираемся в просторное брюхо RRUAN, огромной белой птицы. Внутри у нее удобства и уют: спокойные мягкие кресла, большие окна, и даже уборная для лиц, которые глубоко переживают. Несмотря на величину и

шесть пассажиров, RRUAN легко отрывается от земли. Бегут навстречу степи, шахты, Дон, опять степи, и наконец, белая панаха Казбека возникает на горизонте. Отсюда начинается самая чудесная воздушная дорога. Справа, в голубой, туманной дымке, снежная линия гор. Они идут сверкающей стеной на уровне аппарата. Дует горячий, немного влажный ветер. Это дышит Каспий, к которому мчится самолет.

На аэродромах нас радостно встречают черномазые горцы в бандитских шляпах. Они участливо расспрашивают об ужасах полета, курят наши папиросы, и украдкой глядят на самолет, как кошку. Летчик ворчит. Большой ветер, нельзя близко подходить к самолету. Выискивает еще какие-то нарушения, но чувствуется, что он сам доволен и восхищением горцев, и всей этой наглядной агитацией за Авианхим. Судя по громадным толпам, которые мы застаем на аэродромах, можно судить, что они собираются до прихода самолета. Многие приходят из далеких аулов, станиц и терпеливо ждут. Во Владикавказе прилет моноплана — ежедневное празднество. Играют на гармошках осетинки, появляются с колясками местные отравители — мороженщики, горцы пляшут танец Шамиля. Завидев самолет, толпа ломает рогатки охраны и с радостным воем бежит к месту посадки. Мы буквально продавливаемся сквозь овации. Так почти на каждом аэродроме.

Вскоре горы отходят на запад, и под нами огромная Дагестанская пустыня. Кругом

пески и пыль. Пейзаж становится безрадостным. Утомившись разглядывать землю, начинаю знакомиться с пассажирами. Их пятеро — инженер Чиагурской концессии, врач — делегатка московского съезда врачей, некто из Русгестроя и местный работник, севший во Владикавказе, сестра пилота и я. Врач обессысает третий лимон, местный работник мечтательно смотрит в окно на подведомственную территорию, и глубоко вздыхает во время качки.

Зеленая лента моря встает на горизонте. Она растет вытесняет пески под монопланом. Мы — над Каспием.

В золотом чадю южного солнца колотится о камни эта старая соленая лужа. Пески пустыни подходят к самому берегу, не получая ни прохлады, ни воды. Берег — голый и тоскливый. Неподалеку от берега свисает нам задорный астраханский пароходик. На рубке подобно парусу взвивается вверх белая капитанская фуражка. Пароход прибавляет ход: Увы! Через минуту он уже „зачочевал“, несмотря на спортивный дух своего вождя.

Мы летим над морем два с половиной часа. Иногда я, утомленный дорогой, засыпаю в кресле, а потом прихожу в себя от очередного толчка — передо мною качаются черные вышки нефтяных промыслов. Вдали высится лес заводских труб и прямо под самолетом летит к нам меловой круг аэродрома.

Баку. Конец двадцатичасового полета.
М. Павлов.

ОТ ЖЮРИ КОНКУРСА РАССКАЗОВ „ОГОНЬКА“

Третий премированный рассказ будет напечатан в № 33 „Огонька“. Первый премированный рассказ напечатан в № 29, второй — в № 31.

Редактор **М.Х. КОЛЬЦОВ**. Издатель — **АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО „ОГОНЕК“**. Неприятные редакцией рукописи не возвращаются. Перепечатка без указания источника — воспрещается. **РЕДАКЦИЯ** — Москва 9, Страстной бульв. 11, Тел. 2-96-12; **ГЛАВНАЯ КОНТОРА** — Москва 9, Страстной бульв. 11; телефон: 3-12-56. **Отд. Распростр.** — 5-51-69, 80-64. Подотдел подписки — 1-28-19. **Рекламно-бюро** — 3-91-48. **Бюро иногородн. объявлений** — 3-91-48. Адрес для телеграмм: Москва Огонек. **ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ** — Проспект 25 Октября, д. 1, тел. 5-26-09. **ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ**: 1 стр. — 1500 р., строка непрерывно — 2 руб 50 коп. Сверх тарифа — 10% налога. **ПОДПИСНАЯ ЦЕНА**: на „Огонек“ с одним прил. „Альбома Советского Юмера и Сатиры“ (год. и полугод. подп.) 1 м. — 40 к., 3 м. — 1 р. 20 к., 6 м. — 3 р. и 1 г. — 5 р.; с двумя прил.: 1) тома „10 лет Советского строительства“ и 2) „Альбома“ (только годовым и полугодовым) 6 м. — 4 р. 50 к., 1 г. — 6 р. 50 к.; с тремя прил.: 1) „Библи. Огонек“ (ежегод. 2 кн.), 2) „10 лет Совет. строят.“ и 3) „Альбома“ (только годов. и полугодовым) 6 м. — 3 р. 50 к., 1 г. — 15 р. Прил. „10 лет Сов. строят.“ всем остальным подписчикам „Огонька“ — 2 р., „Альбом“ — 1 р.

ПРЕСТУПНЫЙ МИР МОСКВЫ

С фотографиями и рисунками. Сборник. Краткое содержание: Грабители и бандиты. Убийцы. Рецидивисты. Воры. Мошенники. Самогонщики. Криминальные психопаты. „Дети преступники“. Татуировка в местах заключения. Цена 3 р. 60 к. При высылке денег (или марок) вперед пересылка бесплатно. Заказы, направл. Кооперат. издат. „ПРАВО И ЖИЗНЬ“. Москва 34, ул. Кропоткина 17/1.

Музыкальные **САМОУЧИТЕЛИ** И. Перекрестова, по цене более **ДОРОГИЕ, но единствен. по своей легкости. Каждый сразу начин. играть! Общий цифровой самоучитель для ГИТАРЫ, МАНДОЛИНЫ и БАЛАЛАЙКИ, с новыми песнями, романсами и пр., высылается за 2 р. 85 к. для ГАРМОНИИ (двухр.) такой же самоуч. с 80 музык. М.Н. Выс. за 2 р. 85 к. „Русско-Иностранная Книга“. МОСКВА, ул. Герцена, д. 9/3.**

ОХОТА ДРЕССИРОВКА СОБАК:

Яблонский. Воспитание, дрессировка и натаскивание легавой. Ц. 1 р. 25 к.
Челищев. Гончая, ее воспитание и охота с ней. Ц. 60 к.
ОХОТА НА ЗВЕРЯ:
Бутурлин. Пулевое охотничье ружье и стрельба из него. Ц. 65 к.
Зворыкин. Охота на волков с флагами. Ц. 50 к.
Зворыкин. Охота на лисицу. Ц. 45 к.
Соловьев. Волк и его истребление. Ц. 70 к.
Ширинский-Шихматов. Медведь и медвежья охота. С планами и рисунками. Ц. 85 к.
СПРАВОЧНИКИ:
Шеф. Определитель дневных хищных птиц по их лапам. Ц. 40 к.
Спутник трудового охотника. Ц. 1 р. 20 к.

ВЫСЛАЕТ наложен. платеж. без задатка
КООПЕРАТИВН. Т-ВО „СОТРУДНИК ПРОВИНЦИИ“
МОСКВА 9, ул. Огарева, № 3.

ПУДРА—АДОН

идеально ложится, сглаживает морщины и придает лицу

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ! прелестный вид.

Цена 2 руб. 50 коп.

Оптовые заказы направлять: Москва, почт. 856/0.

ВОЛОСЫ УНИЧТОЖАЕТ

(без бритвы) **МОМЕНТАЛЬНО И БЕЗВРЕДНО, ДЕПИЛИН** где требует **КРАСОТА И ГИГИЕНА** тела. Заб. МЕВЕ. Цена больш. фл. с подробн. описан. способа применения 2 р. Оптов. покупателям соответств. скидка. Высыл. немедленно, по получ. задатка (можно почт. марк.).
Хим. Лабор. МЕВЕ, Одесса, ул. Н. Маркса, 1.

ИСПЫТАННЫЕ СРЕДСТВА
ЛАБОРАТОРИИ КООП. Т-ВА
„ЭЛЕМ“
МОСКВА, МАЛ. ДМИТРОВКА 17

Единственно настоящий **ДЕПИЛЯТОРИЙ W. M.** — порошок для уничтожения волос, где того требует красота и гигиена тела. Продажа в зеленых коробках. Ц. 1 р. 25 к., 2 р. 50 к., 4 р. 50 к. Рост волос замедляется. **РОССЕТЕРСКИЙ ВОССТАНОВИТЕЛЬ** поседевших волос, фл. 2 р. **КРЕМ для БРИТЬЯ „Elem Exis“** без воды, без мыла, без кисточки, экон. времени, туба 90 к. Выс. только по получ. 25% стоимости. Продажа в аптеках, магазинах санитарии и гигиены.

НОВОЕ ХУДОЖЕСТВ. ИЗДАНИЕ

100 оперных либретто

Биографии, характеристики, портреты 45 композиторов, сост. Ангер, под ред. Сабанеева. Необходимо слушателям опер по радио, любителям музыки и пения. Ц. 2 р., с перес. 2 р. 85 к.

Руководство и составлению бумаг, подаваемых в судебные учреждения. Ц. 1 р., с перес. 1 р. 20 к.

Вонди революции. Альбом портретов. Ц. 60 к., с перес. 80 к.

Календарь-идеал на 20 лет. Ц. 20 к. КНИГОПРОДАВЦАМ СКИДКА.

ЛЮБУЮ КНИГУ

(НОВУЮ И СТАРУЮ), **НОТЫ**

всего и самоучители для разных музыкальных инструментов.

Писчебумажные и канцелярские принадлежности.

Высылаем в провинцию наложенным платежом **ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГИ И ПРОСПЕКТЫ.** Москва, 19, ул. Герцена, 24/2 **КООПЕРАТИВНОЕ Т-ВО „НОВАЯ ЖИЗНЬ“.**

Государственные Промышленно-Экономические

КУРСЫ

Ленинград. Просп. 25 Окт., 56. Открыт прием на отделения: 1) Бухгалтерское—години. 2) Промышленно-Экономическое—2-годиное. Занятия утренние и вечерние.

Все необходимые для женщин сведения можно найти в настольной книге

„МАТЬ И ДИТЕ“

написанной общедоступным языком на основании новейших научных данных врачами-специалистами под ред. проф. В. Орлова и д-ра М. Шпак. „Мать и дитя“ является незаменимым руководством для женщин и противоядием против недетских и опасных советов невежественных бабок. „Мать и дитя“ содержит около 300 страниц больш. формата и 92 рисунка.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ: Женские половые органы. Беременность. Роды. Послеродовой период. Гигиена беременности. Как часто женщ. может рожать. Предупрежд. беременности. Новорожденный, и уход за ним. Грудной возраст. Первые годы жизни ребенка. Охрана материнства и младенчества. Охрана труда и соц. страхов. беременной. Женские болезни.

Цена 3 р. 75 к., в роскошном коленкором переплете с золотым тиснением—5 руб. Высланные деньги вперед—за пересылку не платят.

Заказы и деньги адресовать: Москва, 19, ул. Герцена, 22. Книгоиздательству „Светоч“.

Требуйте по Почте

Конд. изд. ф-ки „Больш.“ МСПО. Печенье „Дэна“ коробка 400 гр.—70 к. Печенье „Дэна“ пачка 130 грамм—20 к. Карамель „Дэна“ смесь килограмм—1 р. 50 к.

Хозяйственные: Банное мыло „ДЭТКА“ высш. кач. 10 к. Обильную пену. Кусок 12 к. Коробка 24 кус.—2 р. 40 к.

Синька „Универпочт“ высш. кач., мешоч.—15 к., короб.—100 мешечк.—12 р.

Синька „Универпочт“ плитка—8 к., ящ. 224 плитки—12 р. 50 к. Гуталин высш. кач. в жест.—16 к. кор. Крем для обуви выс. кач., в стекле—32 к.

Примусы завода „ИСКРА“ не уступают заграничным:

Глянцевые, медные, 4-х рожковые шт.—8 р. 50 коп. Никелированные, 4-х рожковые шт.—9 р. Запасы горелки высшего качества шт.—1 р. 70 коп.

Таблетки для приготовления. Домашним способом ликеров, наливок и пр., за грубку, содерж. 2 таблетки на бутылку,—25 коп.

КАНАО ОВСЯНОЕ кило 3 р. 50 к.

Питательная молочная детская мука „Неотле“, чистый вес 320 грамм, в метал. кор.—1 р. 10 коп.

Сладкое фруктовое желе „Тат“—порция на 6 чел.—35 коп., дюжина—3 р. 60 коп.

Галантерейный:

Чулки дамск.—50 к., 80 к., 1 р. 40 к. и 1 р. 80 к. Носки муж.—75 к., 1 р., 1 р. 30 к., большичи, 40 к.

Шелковые нити всех цветов 9 к. бабина, 2 сорт—1 р. 50 к., 1 сорт—1 р. Перчатки трикот. демисезон: мужск.—2 р. 25 к., дамск.—2 р. 10 к.

Детские комбина. трикотаж.—1 р. 15 к., 1 р. 45 к. и 1 р. 70 к.

Мужск. купальн. трусы—1 р. 90 к.

„АУТО-СТРОП“ Новейший прибор для точной лезвий типа „Жиллетт“—10 руб.

Безоп. бритвы „ШВЕДСКИЙ ЖИЛЕТ“ Аппарат с двумя лезвиями—2 р. 50 к., в деревян. футляре—3 р. 25 к., лезв.—25 к. шт.

„Истребитель“ лаборат. Моссовиахим для уничтожения клопов и таракан. фл. 100 гр.—25 к., 200 гр.—50 к., 450 гр.—1 р.

Английс. замок с 3 ключ. высш. кач.—6 р. 75 к. шт. Часы-ходики стальные, госуд. завода, прочные—3 р. 50 к.

Зубной порошок „ОДОНТОЛЬ“ в жестяной коробке—25 коп.

Молочн. детск. мука „МАЛТОН“ Госмедторгпрома, кор. 400 гр.—1 руб. 20 коп.

УРОДОНАЛ Госмедторгпрома, флакон—2 руб.

ДЕПИЛЯТОРИЙ „ЭЛЕМ“ порошок для уничтожения волос, большая банка—2 р. 50 к., малая—1 руб. 25 коп.

Росцетерононый восстановитель волос „Элем“ придает прежн. цвет, предохраняет волосы от выпадения.—флакон 200 гр.—2 р.

Жидкость от мозолей „Элем“—флакон 40 коп.

Грим набор 8 цветов в больш. металлич. коробках—1 р. 20 к., в больш. картон. коробках—65 коп.

Нож. куртки летние: ташкентск. баран.—28 р. 50 к., брюки—20 р.; шеврет. куртка—36 р., брюки—31 р. 20 к., полу пальто—56 р. Все из целльн. пластм.

Школы и самоучители: Новейший самоучитель кройки и шитья—2 р. 75 к.

Для счетных работников и учащихся школ и ВУЗОВ.

„Самосчет“, дающий готовые результаты умножения, деления и вычисления %—60 коп.

Таблицы процентов по учету векселей и проч. долговых обязательств—2 р.

Для детей и взрослых очень занятные головоломки, шутки и фокусы. Коробка—9 предметов, с объяснениями—3 р. 50 к.

ВСЕ КНИГИ ГОСИЗДАТА ПО ЦЕНАМ ЕГО.

ПЕРЕЧИСЛЕННЫЕ ПРЕДМЕТЫ высылаются на общую сумму от 3 руб. при задатке 25%. (Пересылка и упаковка по себестоимости). В ЦЕЛЯХ УДЕШЕВЛЕНИЯ стоимости пересылки—ВЫПИСЫВАЙТЕ КОЛЛЕКТИВНО. СВОДНЫЙ КАТАЛОГ № 7, содержащий сокращенный список товаров всех наших отделов, высылаю я по получении 30 коп. (можно марками).

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ Государственное почт.-посыл. предприятие **УНИВЕРПОЧТ** АДРЕС: Москва, центр, Москворецкая набережная, № 1.

КУЛИНАРИЯ

Новая книга М. М. ЗАРИНОЙ вышла в издании Госиздата

Стр. 275. Ц. 1 р. 50 к

КУЛИНАРИЯ

дает необходимые хозяйке сведения о питании, заготовках на зиму, кухонной посуде и пр.

СОДЕРЖАНИЕ:

Русская кухня, французская кухня, блины, селедки, горчица, закуски, квасы, холодные супы, кушанья без мяса, хлеб и печенье к чаю, пища для больных и выздоравливающих. Пища для детей от 6 мес до 1 1/2 года. Заготовки на зиму. Запасы овощей на зиму. Сорта мяса и их употребление в кулинарии и пр. Цена книги М. М. Зариной „КУЛИНАРИЯ“ 1 р. 50 коп.

Швецова, Е. **КРОЙКА И ШИТЬЕ** с рисунк. в тексте, стр. 112 Ц. 50 к.

Полевичкий, Н. И. **ЗАГОТОВКА ЛЕТНИХ ОВОЩЕЙ, ГРИБОВ И ЯГОД.**

Стр. 64. Ц. 13 к. **Спиценко, Н. П.**

ЗИМНИЕ ЗАГОТОВКИ ИЗ ОВОЩЕЙ И ПЛОДОВ.

Стр. 64. Ц. 16 к.

Книжка знакомит с разными приемами зимней заготовки овощей и плодов.

Шагцова, Е. и Яхнина, Р. **КАК ДОМАШНЯЯ ХОЗЯЙКА МОЖЕТ ПОМОЧЬ СЕБЕ В ХОЗЯЙСТВЕ.**

Стр. 48. Ц. 15 к.

Москва, 9, ГОСИЗДАТ **„КНИГА ПОЧТОЙ“**

высылают ЛЮБЫЕ КНИГИ, имеющиеся на книжном рынке, наложен. платежом немедленно по получении заказа.

ВСЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ:

Высылаются по получ. денег (от 1 р.) или нал. плат. (при нал. пл. перес. за счет заказчика).

Переводные картинки и листы для вырезания и склеивания (50 разных) по 10 коп. лист.

Рельефные картинки для наклеивания—20 коп. лист.

Цветные карандаши—12 шт.—40 коп. 6 шт.—22 коп.

Альб. краски на нал. „Малютка“—5 коп. палитра, Открытки для раскр.—2 коп. шт.

Больш. альб. краски и всякие детские книги и развлеч. по запросам.

Оптом скидка. Москва 19. уг. Воздвиженки, и Арб. пл., „МАЛЮТКА“.

УДАЛЯЕТ ДУРНОЙ ЗАПАХ РТА И ПРИДАЕТ ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЦВЕТ ЗУБАМ

Цена малой—50 коп., большой—1 руб. ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ! Оптовые заказы направлять: МОСКВА, почт. 856/0.

ЛЮБУЮ КНИГУ

новую, редкую, распроданную, по технике, медицине, сельхоз. и др. вопросам высылают немедленно налож. пл.

Кн. маг. „НАУКА И ЖИЗНЬ“ Москва, 19. Воздвиженка, 4/0 (фирма суш. с 1905 года).

35 ЛЕТ ИЗВЕСТНО ВСЕМ, ЧТО **РЕЙНГЕРЦА**

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ УНИЧТОЖАЕТ МОЗОЛИ И БОРЯДКИ С КОРНЕМ. Остер, подделок! ПРОД. ВЕЗДЕ

Рейнгерц, Ленингр., Карповка 23.

Громкий выбор всевозможной радио-аппаратуры и принадлежностей.

Иллюстрированный прейскурант—справочник высылается за 24 коп. марками. Заказы выполняются наложенным платежом по получении 25% задатка.

Ленинград, пр. Володар. 51.

СТУДИЯ

живописи и художественных рукоделей Коллектива Преподавателей.

ОТДЕЛЫ:

живопись и рисование, композиции, декоративное искусство, живая модель, графика, черчение, истор. искусств., кройка и шитье дамского и детского платья, белья, мужского платья и дамских верхних вещей, шляпы, худож. выпивка.

Занятия утренние, дневные и вечерние. Справки с 11 часов утра до 7 часов вечера.

Ленинград, Загородн. пр., (угол Бородинской), д. 31, кв. 16. Телефон 4-55-44.

МЕТАМОРФОЗА-АДОН ПРИДАЕТ КРАСОТУ

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ! Цена 1 р. 25 к.

Оптовые заказы направл.: Москва, почт. 856/0.

ГОСМЕДТОРГПРОМ

ИЗ РАСТИТЕЛЬНЫХ ВЕЩЕСТВ С БОГАТЫМ СОДЕРЖАНИЕМ ФОСФОРА, ЛЕГКО УСВОИВАЕТСЯ ОРГАНИЗМОМ, ВОССТАНАВЛИВАЕТ И УКРЕПЛЯЕТ НЕРВНУЮ И КОСТНУЮ СИСТЕМУ

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ АПТЕКАХ И МАГАЗИНАХ САНИТАРИИ И ГИГИЕНЫ СССР.

ЦЕНА 1 кор. в капсулах—60 к. ЦЕНА 1 кор. в таблетках—40 к.

Высылается почтой налож. платеж. не менее 5 коробок. Пересылка бесплатно.

ВНИМАНИЮ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИТИНА: «Употребление фитина

не имеет никаких преимуществ перед приемом их в виде таблеток и основано на привычке, привитой частными фабрикантами в целях удорожания и излишней наживы. В таблетках имеется то же количество фитина того же высокого качества. Число таблеток в коробке такое же, как и капсул в одной коробке. Но упаковка в капсулы стоит значительно дороже, и потребитель, получая одно и то же, переплачивает за упаковку. Употребляя фитин в таблетках, вместо капсул, Вы вместо одной коробки в капсулах за те же деньги будете иметь полторы коробки в таблетках».

ГОСМЕДТОРГПРОМ

А Д Р Е С: МОСКВА, Центр, Госмедторгпром, Отдел посылок № 7.

для овладения. немецк. яз.

не следует изучать его по устаревшим методам. Наилучшим признан новейший метод МЕРТНЕРА, избавляющий от необходимости заучивания слов и правил.

Самоучитель в 10 выпусках высылается за 2 руб. 85 коп. Москва, ул. Герцена, д. 9/8. «Русско-Иностран. Книга».

ТУБЕРКУЛЕЗ

желудочные болезни, геморрой, ревматизм, тифы и др.—излечение трамплином указ. проф. Н. Кант—брошюру высылают за две 8-коп. марки Союз Знания и Труд по сбору и культуре лекарственных растений. Москва.

МУЗЫКА

Баяны в 200, 250, 300 и 400 р. Балалайки в 5, 6, 7, 8, 10, 12, 15, 20, 25 и 30 р. Гармоники в 40, 50, 70, 85, 100 и 125 р. Гитары в 18, 20, 25, 30, 40 и 50 р. Мандолины в 18, 20, 25, 30, 40 и 50 р. Прекуратор за 8 к. марку выс. А. Соколов. Москва, 66. Елоховская, д. 18.

УДЕШЕВЛЕННЫЕ КНИГИ

ВЫСЫЛАЕТ МОСКВА, 9, Госиздат „КНИГА ПОЧТОЙ“.

Книги высылаются почтовыми посылками или бандеролью немедленно по получении заказа с ссылкой на это объявление. (Список № 1). При высылке всей стоимости заказа вперед—пересылка бесплатно.

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ.

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ.

АНСАНОВ, С. Т. — Полное собрание сочинений. Под ред. П. Е. Щеголева. Т. I. Семейная хроника. Стр. 240. Ц. 30 к. Т. II. Детские годы Багрова-внука. Стр. 422. Ц. 30 к. Т. III. Воспоминания. Ч. I. Стр. 544. Ц. 30 к. Т. IV. Литературные и театральные воспоминания. Стр. 285. Ц. 30 к. АЛТАЕВ, А. и ФЕЛИЧЕВ, А. — Вперед веков. Историческая повесть из жизни Леонардо да Винчи. Со снимками с картин и портретами. Стр. 182. Ц. 20 к. АЛТАЕВ, А. и ФЕЛИЧЕВ, А. — Под знаменем башмана. Крестьянская война в Германии. Историческая повесть из XVI века. Стр. 217. Ц. 30 к. БЕССАЛЬКО, П. — Алмазы Востока. Стр. 85. Ц. 25 к. БОГДАНОВ, А. — Инженер Мэни. Фантастический роман. Изд. 3-е. Стр. 116. Ц. 20 к. БОГДАНОВ, А. — 1905 г. в русской художественной литературе. Сборник поэзии и прозы. Ч. I. Город. Стр. 321. Ц. 80 к. Ч. II. Деревня. Стр. 288. Ц. 80 к. ГЕРЦЕН, А. — Сорока-ворона. Повесть. Девичья передняя (Из «Былого и Дум»). Стр. 80. Ц. 10 к. ГОГОЛЬ, Н. В. — Вий. Стр. 62. Ц. 5 к. ГОГОЛЬ, Н. В. — Полное собрание сочинений. Под ред. Н. И. Коробки. Изд. 4-е. Действительный Т. I. Юношеские опыты. Вечера на хуторе. Стр. 376. Ц. 40 к. Т. II. Миргород и окончателюнная редакция Тараса Бульбы. Стр. 422. Ц. 40 к. Т. III. Арабески. Отыск до 1835 г. Заметки исторического содержания. Стр. 578. Ц. 40 к. ГРИГОРОВИЧ, Д. — Антон-Горемыка. Повесть. Стр. 142. Ц. 10 к. ГУЛЬ, Р. — Ледяной поход. (С Корниловым). Предисл. Н. Л. Мещерякова. Ц. 20 к. ДОСТОВСКИЙ, Ф. М. — Братья Карамазовы. Роман. Кн. I. Ц. 50 к. Кн. II. Ц. 10 к. ДЫБЕНКО, П. Е. — Математик. (Из воспоминаний о революции). Стр. 111. Ц. 25 к. ИВАНОВ, Б. — Записки прошлого. Повесть из воспоминаний детства и юношества рабочего-социалиста. Стр. 80. Ц. 10 к. КАСАТИН, Н. и О. — Земные странники и др. рассказы. Стр. 277. Ц. 30 к. КОРОЛЕНКО, В. — Ат-Даван.

(Из сибирской жизни). Изд. 2-е. Стр. 40. Ц. 8 к. История моего современника. Т. I. Ч. I. Стр. 178. Т. I. Ч. II. Стр. 230. Ц. 25 к. Т. II. Ч. I. Ц. II. Ц. IV. Стр. 336. Ц. 25 коп. Очерки и рассказы. 1. Река играет. 2. На закате. 3. За иконой. 4. Ат-Даван. Стр. 166. Ц. 20 к. Очерки и рассказы. Ночь. Черкес. Тени. Судный день. Стр. 168. Ц. 20 к. КРЫЛОВ, И. А. — Полное собрание сочинений. Редакция, вступ. статьи и примечания В. В. Каллаша. Т. III. «Почта духов». (Ч. III и IV). Журнальные статьи и письма. Стр. 446. Ц. 25 коп. КУЗНЕЦОВ, А. И. — Николай Негорев или благополучный россиянин. Роман. Стр. 338. Ц. 20 к. ЛЕОНОВ, Л. — Петушиный пролом. Стр. 86. Ц. 30 к. ЛЕРМОНОВ, М. Ю. — Избранные сочинения. (1814—1841 гг.). Выбор и предисловие В. Н. Ладыхонского. Стр. 195. Ц. 15 к. ПУШКИН, А. С. — Капитанская дочка. Стр. 146. Ц. 15 к. РЕШЕТИНОВ, Ф. М. — Рассказы. 1. Никола Знаменский. 2. Шинюховство. Стр. 62. Ц. 10 к. СЕРОШЕВСКИЙ, В. — Рассказы. Т. I. Стр. 296. Ц. 50 к. Т. II. Стр. 276. Ц. 30 к. Т. III. Стр. 308. Ц. 30 к. Т. IV. Стр. 313. Ц. 30 к. Т. V. Стр. 262. Ц. 30 к. Т. VI. Стр. 313. Ц. 30 к. СЛЕПЦОВ, В. А. — Трудное время. Повесть. Стр. 196. Ц. 20 к. СТЕПНЯКОВ-КРАВЧЕНСКИЙ, С. М. — Штундист Павел Руденко. Дополнено по рукописи. С написанными для настоящего издания воспоминаниями П. А. Кропоткина. Стр. 206. Ц. 40. ТОЛСТОЙ, Л. Н. — Хаджи-Мурат и др. произведения. Стр. 290. Ц. 20 к. ТРЕНЕВ, К. — Батраки. В станице. Рассказы. Стр. 38. Ц. 10 коп. ТУРГЕНЕВ, И. С. — Два приятеля. (Рассказы и повести). Стр. 340. Ц. 25 к. ЧАПЫГИН, А. — Очарованные. Рассказы. Стр. 65. Ц. 15 к. ЭРТЕЛЬ, А. — Записки Степняка. Т. I. Стр. 275. Т. II. Стр. 302. Цена за два тома 70 коп.

ИНОСТРАННЫЕ ПИСАТЕЛИ.

АНДЕРСЕН-НЕНКЕ, М. — Дитя человеческое. Перевод с датского С. Л. Вейнбаума. Под ред. А. В. Ганзен. Кн. I. Стр. 171. Ц. 30 к. Кн. II. Стр. 149. Ц. 30 к.

Кн. III. Стр. 191. Ц. 30 к. Кн. IV. Стр. 161. Ц. 30 к. Кн. V. Стр. 230. Ц. 30 к. БАЛЬЗАК, О. — Неизвестный шедевр. Вступит. статья Валерия Брюсова. Перев. И. М. Брюсовой. Стр. 48. Ц. 25 к. БАЛЬЗАК, О. — Крестьяне. Предисл. Ф. Д. Батюшкова. Стр. 876. Ц. 50. БАРБЮС, А. — В огне. Дневник одного взвода. Роман. С предисл. М. Горького. Изд. 6-е. Стр. 299. Ц. 30 к. БАРБЮС, А. — Свет. Перев. с французского К. Жихаревой. Стр. 216. Ц. 30 к. БЛАСКО-ИБАНЬЕС, В. — Валенсиано не рассказывает. Под. ред. и с предисл. Е. Френкель. Стр. 143. Ц. 15 к. БЛАСКО-ИБАНЬЕС, В. — Власть мертвых. Перев. А. Вальтера. Предисловие Е. А. Френкель. Стр. 180. Ц. 40 к. ГАСТОН, Ж. — Ноффи. Действительный роман чернокожего. Стр. 110. Ц. 25 к. ГЕЙЕРМАНС, Г. — Город бриллиантов. (Сокращенное издание). Стр. 187. Ц. 15 к. ГЕЙЕРСТАМ, Г. — Любовь и др. рассказы. Предисл. А. Ганзен. Стр. 88. Ц. 10 к. ГЕЙНЕ, Г. — Путевые картины. Части I и II. Стр. 264. Ц. 30 к. Части III и IV. Стр. 327. Ц. 30 к. ГЕТЕ, Г. — Поэзия и правда моей жизни. Ч. I. Стр. 188. Ц. 20 к. Ч. II. Стр. 208. Ц. 20. ГОН-КУР, Ж. — Братья Замгано. Перев. с французского. Стр. 165. Ц. 80 к. ДИКЕНС, Ч. — Повесть о двух городах. Под ред. К. Чуковского. Вступит. статья К. Чуковского. Стр. 464. Ц. 50 к. ЖЕРОМСКИЙ, С. — Пред весной. Роман. Перев. с польского. Стр. 324. Ц. 40 к. ЖЕФФРУА, Г. — Заключение. Жизнь и революционная деятельность Огюста Бланки. Пер. с франц. Изд. 2-е с предисл. Б. Горена. Стр. 272. Ц. 50 к. ИЕНСЕН, И. — Гиммерландские рассказы. Под. ред. и с предисл. А. В. Ганзен. Стр. 106. Ц. 10 к. ИРАСЕН, А. — Поглавы. Историческая повесть. Стр. 429. Ц. 10 к. ДЕ-НОСТЕР, ШАРЛЬ — Легенда об Уленшигеле и Ламме Гудазене, их приключениях, отчаянных, забавных и достопамятных во Фландрии и иных странах. Т. I. Стр. 292. Т. II. Стр. 282. Ц. за оба тома 1 руб. Тиль Уленшигел. (Сокращенное издание). Стр. 258. Ц. 20 к. ЛАСВИЦ, КУРТ. — На двух планетах. Фантастический роман. Стр. 382. Ц. 50 к. ЛЕСАЖ, А. Р. — Хромой бео Тюрналес. Стр. 348. Ц. 50 к.

Эти книги высылают по почте МОСКВА 9, ГОСИЗДАТ „КНИГА ПОЧТОЙ“.

Их можно купить также во всех магазинах и отделениях ГОСИЗДАТА.

ТРЕБУЙТЕ БЕСПЛАТНЫЕ КАТАЛОГИ УДЕШЕВЛЕННЫХ КНИГ! СЛЕДИТЕ ЗА ОБЪЯВЛЕНИЯМИ!